

A romantic illustration of a man in a dark military uniform with gold epaulettes and a woman in a white off-the-shoulder gown embracing in a room. A large window in the background shows a full moon and a cityscape. Papers are floating in the air, and a candelabra with lit candles sits on a table in the foreground.

Дарина Кардашьян

ЖЕНА

Победителя смерти

Дарина Кардашьян

Жена Повелителя смерти

<https://litres.ru/74445703>

Аннотация

Редкая генетическая болезнь, несостоявшаяся свадьба, предательство жениха – это не самое страшное, что происходит в жизни. Гораздо страшнее оказаться в незнакомом мире, в чужой власти, и обнаружить, что твоя свадьба состоялась, и теперь ты – жена могущественного мага, прикосновение которого приносит смерть.

Содержание

Глава 1. Рождение тени	4
Глава 2. К нам приехал муж	16
Глава 3. Планы изменились	34
Глава 4. Хозяйка очень большого замка	52
Глава 5. Стать тенью герцогини	71
Глава 6. Обжигающие волны и ледяные слова	99
Глава 7. Вокруг один обман	111
Глава 8. Куда спрятаться от обмана?	117
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Глава 1. Рождение тени

20.12 КС.

- Ты с ума сошел, Юрий. Подумай, какие от *этой*могут быть дети, – будущая свекровь даже не потрудилась понизить голос, и я, находясь в зале, прекрасно слышала, как в кухне Вера Ивановна объясняла Юрке, почему он не может жениться на мне.

Она всегда называла его вот так – полным именем, с важностью и пафосом. И Юрка всегда тайком над этим посмеивался.

А Вера Ивановна не жалела красноречия:

- Я сразу поняла, что с ней что-то не так, - говорила она сухо и деловито. – Эти её постоянные перчатки, то что она всех сторонится... Она обманула тебя, ввела в заблуждение, чтобы воспользоваться твоим положением и финансами семьи.

Сцепив руки и стиснув зубы, я ждала, что ответит Юрка, и он ответил – испуганно, растерянно:

- Но, мама... я же знал... она мне говорила...

Это было так не похоже на того Юрку, которого я знала. Тот Юрка был весёлым, смелым, способным на любое безрассудство – залезть по пожарной лестнице на четвертый этаж, чтобы принести мне в больничную палату цветы, «украсть» меня в рабочий день с выставки и увезти в парк,

чтобы просто бродить по берегу пруда, бросая уткам кусочки хлеба. Или устроить фейерверк под балконом моей квартиры, выкрикивая: Алинка, я тебя люблю!

И говорил тот Юрка с такой же неуёмной весёлой энергией, а этот Юрка только мямлил что-то невнятное.

- Это не лечится, - продолжала Вера Ивановна, - это навсегда, понимаешь? И ваши дети будут такими же. Это очень опасно.

- Ничего опасного, - слабо возразил Юрка. - Алина прекрасно живёт, работает, она обыкновенная... просто не чувствует боли, вот и всё.

- Пусть Алина живёт, как хочет, - перебила его мать. - А эта болезнь - это не просто «не чувствует боли». Я не желаю, чтобы мой внук однажды сломал ногу и не почувствовал этого. Или обжёгся до кости, и этого не заметил. Нельзя ставить жизнь будущих детей под угрозу, Юрий. Ты знаешь, что у людей с таким заболеванием предрасположенность к умственной отсталости? Хочешь, чтобы твои дети были умственно отсталые?

- Мама!.. - жалобно и как-то пискляво протянул Юрка.

- Сейчас ты пойдёшь к ней и скажешь, что никакой свадьбы не будет...

На этом я решила прервать разговор любящей мамочки и сына, и вышла в коридор, остановившись на пороге кухни.

Юрка и Вера Ивановна обернулись в мою сторону. Впрочем, Юрка сразу же отвернулся, пряча глаза, и было странно

и немного смешно видеть, как взрослый мужчина – высокий, под два метра, широкоплечий, красивый, с модной пышной прической светлых волос, горбится и суёт руки в карманы брюк, словно провинившийся мальчишка.

- Я всё слышала, Вера Ивановна, - сказала я. Стараясь говорить спокойно. – Зачем вы так? Мы с вашим сыном любим друг друга и несмотря на мою болезнь у нас всё будет хорошо.

- Хорошо? – она нахмурилась. – Хорошо для тебя, а не для Юрия. Таким, как ты, нельзя создавать семьи и нельзя рожать.

- Вы так говорите, будто я совершила преступление, - я всё пыталась поймать Юркин взгляд, но мой жених упорно отворачивался.

- Ты совершила хуже, чем преступление, - Вера Ивановна сделала шаг вперёд, будто пряча сына за своей спиной, и Юрка с удовольствием спрятался, умудрившись втиснуть свои сто восемьдесят пять сантиметров и сто килограммов между мойкой и холодильником. – Ты обольстила моего сына, - методично продолжала обвинять меня несостоявшаяся свекровь, загибая пальцы, и это было уже совсем не смешно, - ты обманула его, ты хотела пожить за наш счет...

- Всё понятно, - перебила я её. – Можно мне поговорить с Юрием?

Непонятно, зачем я собиралась с ним говорить, если всё и так было ясно. Если бы Юрка по-настоящему любил меня,

то вёл бы себя иначе. Точно не прятался бы за мамочкину спину.

А ведь он прекрасно знал, что я страдаю от аналгезии, при которой человек совершенно не ощущает боли. Конечно, Вера Ивановна права, эта болезнь – совсем не редкая удача, как может показаться сначала. Это – проклятье. Хотя, не понятно, за что я могла его получить. В сказке надо оскорбить волшебницу или отказать в любви могущественному чародею, но в реальной жизни нет ни тех, ни других, поэтому нет ответа на вопрос – почему некоторые рождаются проклятыми.

- Можно мне с ним поговорить? – повторила я, потому что Вера Ивановна продолжала стоять между мною и Юркой, а он не торопился выходить из кухни в коридор.

- Говори, - Вера Ивановна пожала плечами, окинула меня неприязненным взглядом с головы до ног и гордо удалилась в зал.

Я не сомневалась, что ей будет прекрасно слышен наш разговор, потому что она даже не потрудилась закрыть межкомнатные двери.

- Юра, - позвала я, и он выполз из-за холодильника, больше похожий на побитую собаку, чем на взрослого, уверенного в себе мужчину.

Уверенного в себе, и в своих чувствах.

- Твоя мама считает, что я тебя в чем-то обманула, - сказала я спокойно, но в груди стало холодно, и сердце сжалось, будто его сдавили ледяной рукой. – А ты что считаешь?

- Алин... - промычал он после недолгого молчания, - я, правда, не знаю...

И замолчал.

Я на секунду прикрыла глаза, собираясь с мыслями и с силами, а потом спросила:

- Не знаешь, жениться ли на мне? Вчера ты не возражал против этого, а сегодня что-то изменилось?

- Алин... - опять замычал он.

- До свидания, - отчеканила из зала Вера Ивановна.

- Прощайте, - сказала я, глядя на Юрку, а потом круто развернулась и пошла к выходу, по пути сорвав с вешалки плащ.

- Алина!.. – крикнул Юрка мне вслед, но не сделал ни шага, чтобы догнать и удержать меня.

Значит, я всё поняла правильно. И эта свадьба в самом деле была бы ошибкой. Я думала, что встретила человека, который полюбил и принял меня такой, какая я есть, а получилось... Получилось, что я встретила не того человека. Хорошо, что все иллюзии рассеялись до, а не после. Хорошо...

Но было мне совсем не хорошо.

Слёзы подкатили к горлу, губы затряслись, и я поняла, что ещё полминуты – и я позорно разревусь перед предателем Юркой, перед злорадствующей Верой Ивановной... Как странно – не чувствовать физической боли, зато испытать такую душевную боль. Вроде бы всё ясно, ничего не изменишь, и уйти – единственно правильно решение, а в груди

всё дрожит и сжимается. Наверное, такую боль испытывают, когда ударяют ножом и прокручивают, чтобы помучить по-сильнее.

Сунув ноги в туфли, я дёрнула двери и шагнула за порог, уже ничего не видя из-за хлынувших слёз.

Пусть так, всё к лучшему... Я зажмурилась, пытаюсь удерживать рыдания... Не надо никому видеть моё разочарование, мою боль...

Позади что-то лепетал Юрка, а Вера Ивановна удовлетворённо ответила:

- Пусть катится!

Дверь за мной захлопнулась, щелкнул автоматический замок, и я... покатила. Покатила в буквальном смысле слова, как пожелала мне несостоявшаяся свекровь – что-то подвернулось под ноги, я споткнулась, не удержалась на ногах и упала.

Я ударила коленом, привычно не почувствовала боли, и успела подумать, что надо поехать в травмпункт, проверить – нет ли перелома, как вдруг надо мной прозвучал незнакомый женский голос:

- Вот и получилось, а ты не верил. Смотри, вот она - моя тень. Как живая!

Женщина говорила не по-русски, но я её прекрасно понимала. И в то же время не понимала, что это за язык – не французский, тем более не английский... Итальянского я не знаю...

- Что же ты наделала, Алинора, - прозвучал мужской голос – низкий, хрипловатый.

Мужчина говорил на том же незнакомом языке, который я прекрасно понимала, и говорил с сожалением.

- Всё идёт по плану, - уверенно отозвалась женщина, а потом приказала: - Вставай, тень, и подчинись своей хозяйке.

Кто-то взял меня за плечо и встряхнул – резко, требовательно.

Я открыла глаза и вздрогнула, потому что находилась совсем не в парадной Юркиного дома, а в каком-то другом месте. Вместо огромных витражных окон было крохотное окно под потолком, закрытое решеткой. Вместо светлых стен были каменные стены – влажно поблескивающие, освещённые только огнём факела, воткнутого в металлическое кольцо, вкрученное в каменную кладку.

Передо мной стояла женщина в длинном тёмном платье, она-то и трясла меня за плечо. Рядом с ней стоял мужчина – седой, в черном балахоне и смешной плоской шапочке, похожей на толстый блин с длинной кисточкой, в которой перемежались черные и серебряные нити.

Но мне было совсем не до смеха. Неужели, падение оказалось слишком сильным, я ударилась головой и теперь у меня галлюцинации?

Галлюцинации были очень реалистичными, и одна из них – женщина, которая держала меня за плечо, повторила с уже заметных раздражением:

- Ну же, тень! Встала и поклонилась своей госпоже!

Рука на моём плече, холодная капля, упавшая с потолка на мою щёку...

Я вытерла лицо и спросила:

- Что происходит?

- О, у неё голос прорезался, - саркастично сказала женщина. –Поднимайся, у меня мало времени, а я ещё должна ввести тебя в курс дела.

- В курс какого дела? – я не спешила вставать, потому что не знала, как обстоят дела с моими возможными переломами. – Простите, вы не могли бы вызвать «скорую»? Мне надо в травмпункт... - я замолчала, потому что говорить об этом, сидя в каком-то сыром подzemелье, было странно.

- Тебе надо не куда-то там, - передразнила меня женщина, выпрямляясь и отходя к стене, - а в постель к моему мужу. Он скоро приедет, и я хочу, чтобы ваша встреча прошла идеально.

- Что?... – перепросила я, потому что не придумала ничего более умного.

Какой муж? Какая постель?..

Женщина тем временем вытащила из причёски длинную металлическую шпильку и зачем-то сунула её в пламя факела. Темные волосы рассыпались по плечам, скрыв лицо.

- Мой муж – Ксандр Левенштайль, - деловито заговорила женщина – совсем как Вера Ивановна минуту назад. – Скоро он приедет для выполнения супружеского долга. Ты ляжешь

с ним, и будешь свободной до следующего месяца.

- До следующего?.. А что потом?.. – я никак не могла понять, что со мной случилось.

Оглянувшись. Я обнаружила, что дверь в квартиру Юрки пропала. Вместо неё была глухая стена, сложенная из огромных замшелых камней. Какая ужасная галлюцинация... И какие будут последствия? Надеюсь, я не заработаю ушиб головного мозга... И надеюсь, что я не лежу сейчас без сознания у порога квартиры своего бывшего жениха, а его мамаша поливает меня грязью, обвиняя в симуляции, чтобы сыграть на жалости и вынудить бедного мальчика жениться...

Бывший жених... Я сама не заметила, как мысленно произнесла это. Бывший... бывшая... такие обидные и болезненные слова...

- А потом, если не забеременеешь, снова ляжешь с ним, - женщина шагнула ко мне, наклонилась, взяла меня за руку, развернула ладонью вверх и положила мне поперек пальцев шпильку, которую держала за самый кончик.

- Вы что-то путаете, - вежливо начала я, понимая манипуляции со шпилькой ещё меньше, чем то, что женщина говорила, - я не собираюсь спать ни с чьим мужем, и вообще...

- Она и правда не чувствует боли! – торжествующе взвизгнула женщина, убирая шпильку и внимательно разглядывая мою руку.

Седой мужчина только покачал головой, вид у него был совсем не радостный.

Тут я догадалась, для чего это было нужно. С ужасом я смотрела, как на коже набухает красная полоса, и появляется пара пузырей. Эта сумасшедшая женщина обожгла меня. Раскалила шпильку и прижгла мне руку. Сумасшедшая! Чокнутая!..

Я оттолкнула женщину от себя, и она отлетела к стене. Факел осветил её лицо – удивленное, злое, и такое... знакомое...

У этой сумасшедшей было моё лицо – точь в точь, будто я смотрелась в зеркало.

Значит, я точно ударилась головой... Мамочки, как страшно...

Как же теперь прийти в себя? А вдруг я в коме?! Лежу, как бревно, и вижу бредовые сны...

- Эта тень совсем страх потеряла, - женщина с моим лицом смотрела растерянно и гневно смотрела. – Ты должна слушаться! – прикрикнула она на меня. – Или пожалеешь!

- Алинора, - со вздохом произнёс старик, - я же говорил, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет.

- Подождите, папа, - женщина отмахнулась от него и приблизилась ко мне мягко, как подкрадывающаяся пантера, которая выбирает – куда впиться зубами и когтями. – Ты ещё не поняла, тень? – сказала она высокомерно. – Я создала тебя, но я могу и уничтожить. Хочешь отправиться туда, откуда появилась? – и она указала на свои ноги.

Я проследила взглядом, куда она указывала, но сначала

увидела только грязные склизкие камни, и только потом догадалась, что она указывает на свою тень, еле видную в свете факелов.

- Вы ошиблись, - сказала я твердо. – Я – Алина Комарова, а не ваша ожившая тень. И если вы разрешите мне уйти туда, откуда я пришла, буду только рада.

- Говорил тебе... - забубнил старик.

- Помолчите! – одёрнула похожая на меня Алинора. – Не вмешивайтесь, папа. Не надо мне мешать.

Старик приподнял руки вперёд ладонями, показывая, что понял и не желает вмешиваться.

- Ты – моя тень, - отдельно произнесла Алинора, глядя мне в глаза. – И я создала тебя для того, чтобы ты заменила меня в постели. Видишь ли, мой муж – это редкое чудовище. Пусть король его любит и привечает, но королю не приходится с ним спать. А я не желаю больше терпеть этой невыносимой боли, когда он прикасается ко мне.

Она говорила – будто бредила. Или бредила я, если считать, что я вижу сон. Какие прикосновения? Какая боль?..

- Заменишь меня, когда Ксандр приедет, - продолжала Алинора, и мне было странно видеть саму себя, говорившую так жестоко. – Обычно он задерживается на день или два, не больше. Просто помалкивай, делай вид, что слушаешь, и спи с ним.

- Простите... - снова не выдержала я, но она перебила меня властным жестом.

- Вижу, ты строптивая, тень, - Алинора смерила меня взглядом и нахмурилась. – Что ж, придется тебя научить покорности.

- О чем вы... - начала я, но мне опять не дали договорить.

- Посидишь здесь без пищи и воды, - сказала женщина и взяла старика под руку, - а потом посмотрим, как запоешь. Пойдемте, папа. Пусть подумает, чего она хочет. Быть моей тенью или... отправиться в мир теней, - она засмеялась, но резко оборвала смех и направилась к маленькой двери, окоеванной полосками металла, увлекая за собой старика.

- Подождите... - я забыла об осторожности и вскочила, хотя если умудрилась сломать ногу, то сейчас кости сместились.

- Счастливо оставаться, - пропела Алинора, открывая дверь, - я вернусь через... дня три. Но если постучишь и скажешь, что будешь послушна, то, может быть, открою пораньше.

Прежде, чем я добежала до порога, дверь со стуком хлопнулась, и я осталась одна – в темноте, сырости и... могильной тишине.

Глава 2. К нам приехал муж

- Вот и хорошо, что ты одумалась, - услышала я насмешливый голос Алиноры.

После темноты подземелья свет больно ударил в глаза, я зажмурилась, но уши не заткнула, поэтому слышать не перестала.

- Какая ты грязная, вонючая, - брезгливо произнесла Алинора. – Быстро иди, мойся. Такую замарашку я и в свинарник не отправлю. Свиньи испугаются.

- Пить... - еле выговорила я, облизывая пересохшие губы.

- В купальне попьешь, - заявила Алинора. - Купальня у нас здесь...

Она пошла по коридору, указывая дорогу, а я поплелась следом, чувствуя себя опустошенной до доньшка.

Два дня в подвале без воды и еды убедили меня, что это – точно не сон. Я обстучала все стены в надежде найти выход, но так и не нашла. А после того, как засыпала и просыпалась всё в том же месте, а не в больничной койке, к примеру – пришлось отодвинуть гордость в сторонку и позвать на помощь.

Алинора открыла сразу – будто только и ждала, когда я сдамся. И сейчас довольно посмеивалась, глядя на меня с презрением.

Оказавшись в купальне, я первым делом бросилась к ба-

дейке с холодной водой. Пить некипяченую воду в каком-то условном средневековом мире было настоящим безумием, но я пила и не могла остановиться. Как просто превратить человека цивилизованного в низшее существо... А сейчас я была именно низшим существом...

- Ожила? – Алинора взяла со скамейки простыню и бросила мне. – Раздевайся, а я пока расскажу тебе обо всех, чтобы не попалась на какой-нибудь мелочи. Мой муж – троюродный брат короля. Ксандр Левенштайль. Имя не забудь. Впрочем, по имени его называть не надо. Будешь обращаться к нему просто – милорд. Раньше Ксандр был генералом, и только благодаря ему его величество удержался на троне. Но война закончилась, и мой муженек остался не при делах... Ты почему не раздеваешься?! – напустилась она на меня, потому что я стояла перед ней, комкая простыню и опустив голову.

- Вы... ошиблись, - сделала я ещё одну попытку остановить эту женщину. – Я – не ваша тень. У меня редкое заболевание... анальгезия... я не чувствую боли...

Несколько секунд Алинора смотрела на меня, и я встрепенулась в надежде, что мои слова дошли до неё.

- Не знаю, что происходит, - я попыталась даже улыбнуться, - но это ошибка, и мне хотелось бы вернуться туда... откуда вы меня достали...

- По-моему, ты уже заскучала по моему подвалу, - сказала женщина, так похожая на меня, и так непохоже на меня

сузила глаза. – Замолчала и пошла мыться!

Чуда не произошло, и благоразумие подсказало мне больше не спорить. Я утолила жажду, теперь вымоюсь, потом поем, а потом... потом буду думать, что делать дальше. Возможно, муж этой ведьмы окажется нормальным человеком, и ему можно будет всё объяснить.

Я начала стаскивать с себя платье – ткань напиталась влагой, пахла сыростью и гнилью, и я бросила его на пол, оставшись в белье, потому что раздеваться полностью перед незнакомой женщиной, пусть и похожей на меня, не хотелось. Зачерпнув ковшом горячей воды из медного котла, над которым белыми струйками завивался пар, я вылила воду в серебряный таз и добавила холодной.

- Моего мужа в народе зовут Повелителем смерти, - Алинора наблюдала за мной и говорила, как чеканила. – Потому что каждое его прикосновение – мучительно, и может убить, если он того захочет.

- Что? – я замерла с ковшом наперевес. – Что вы сказали?

- Что слышала, - недобро усмехнулась она. – К моему мужу невозможно прикоснуться, чтобы не испытать боли. Это как сунуть руку в огонь! Я надеялась, что быстро забеременею после свадьбы, и он отстанет от меня, но ребенка всё нет, а я не могу больше это терпеть. Зато тебе его прикосновения не страшны. Ведь тень не испытывает боли.

Я промолчала. Потому что не поверила ни одному ее слову. Прикосновение, которое убивает? Да ладно. Скорее все-

го, муж этой гадюки – жестокий человек, которому многое позволено из-за покровительства короля.

- Рядом с ним будешь помалкивать, - продолжала Алинора. – Чтобы не сболтнуть чего-нибудь лишнего. Если спросит, почему ты перестала чувствовать боль, скажешь что-нибудь романтическое. Вроде: моя любовь к вам безмерна, и она помогла мне преодолеть ваше проклятье.

- Разговариваете с мужем на «вы»? Как уважительно, – не удержалась я от колкости, опуская руки в воду.

Только теперь я заметила, какие у меня грязные пальцы. А ведь в заточении я провела всего ничего.

- Попробуй проявить к нему неуважение, - недобро усмехнулась Алинора.

Мысленно я поздравила себя с тем, что угадала – дело было не в прикосновениях, причинявших боль. Дело было в характере этого самого мужа. Получается, эти двое нашли друг друга – Алинора и этот... как его там... Ксандр.

Я с трудом вспомнила имя мужчины, чью жену мне предстояло сыграть. Непривычное имя. Тяжелое. Холодное и в то же время полное ярости. Оно звучало, как рычание тигра. Что же за чудовище мне придется увидеть? Разумеется, спать с ним никто не собирался. Но мне надо выиграть время... выиграть время... Потому что другого выхода у меня нет.

- Здесь двое слуг, - Алинора посвящала меня в свои планы, пока я умывалась и намыливала голову. – Но они новень-

кие, не заметят подмены. К тому же, я с ними почти не разговаривала. Селеста – горничная, она же кухарка. И ее муж – Себастьян, он садовник и сторож, никудышный и в саду, и на охране дома. Всё время спит, лентяй. Ксандр придет на пару дней, не дольше...

- Но вы уверены, что он не заметит подмены? – я ополоснула волосы и посмотрела прямо на свою мучительницу и тюремщицу. – Ваш муж так глуп? Или вы и с ним почти не разговаривали?

- Что-то ты слишком язвительная для тени, - прикрикнула она на меня. – Мужчины не слишком разборчивы, знаешь ли. А ты можешь приврать что-нибудь для правдоподобности. Например, что упала с лошади, ударилась головой, или плохо спала и потому рассеянная.

- Очень хитроумно, - сдержано ответила я.

- В подвал захотела? – оборвала меня Элеонора. – Идем, надо позаботиться, чтобы ты выглядела прилично. А то никто не поверит, что ты – жена генерала.

Она и правда позаботилась – сначала обработала рану на моей ладони, накормила пирожными и крохотными бутербродами с паштетом, которые я смела в один присест, наголодавшись в подвале, а потом долго и с явным удовольствием наряжала меня, вертя перед зеркалом, как куклу.

- Волосы у тебя слишком короткие, - заметила она с досадой. – Но ладно, если сделать прическу, то не слишком заметно. Имей в виду, нижние рубашки я не ношу. И Ксандру

это очень нравится. Нравилось, - она чуть помрачнела, видимо, что-то вспомнив, но тут же упрямо мотнула головой, а потом ткнула меня указательным пальцем в лоб. – Запомни, что ты – образцовая жена. Мила, добра, нежна, услужлива. Именно такую жену хочет мой муж.

«Вряд ли ты – такая», - мысленно ответила я ей, но промолчала, конечно же.

Алинора закончила меня наряжать и торжественно развернула к зеркалу, любуясь результатом. А результат был впечатляющий – из зеркала на меня смотрели две совершенно одинаковые женщины. Пусть выражения лиц были разными – довольное у моей тюремщицы и замкнутое у меня – сходство было потрясающим. Я невольно заколебалась – вдруг я и правда... всего лишь её отражение?... тень...

- Превосходно, - заявила Алинора и без предупреждения потащила меня вон из комнаты. – Теперь я всё тебе покажу. Здесь моя спальня, как ты уже поняла, здесь комната моего мужа, здесь гостиная...

Мы прошли по второму этажу, спустились на первый, и Алинора прижала палец к губам, приказывая мне молчать.

- Слуги живут в том крыле, - прошептала она, - и сейчас спят, но всё равно води себя тихо. Мне не нужны ни обвинения в колдовстве, ни в том, что я спятила. Понятно?

Я кивнула, и она показала мне столовую напротив кухни, ещё раз – ванную комнату, а потом мы вернулись обратно на второй этаж. Дом был обставлен богато, но без вычурно-

сти. Добротная и красивая мебель могла бы котироваться и в моем мире. Как антиквариат. Оказавшись снова в спаль-ной комнате хозяйки я сразу заметила, как отличалась эта комната от остальных. Здесь всё было чересчур – слишком яркие шторы, слишком игривые пуфики, стульчики и диванчик – обитые светлой тканью в цветочек, с витыми ножками и подлокотниками. Да и наряды госпожи Алиноры были под стать – такие же яркие, в рюшечках и воланчиках.

- Мы с отцом уедем сегодня же, - наставляла меня она. – Пока не проснулись слуги. Не вздумай строить козни против меня. И не вздумай забеременеть. Спи с Ксандром, ублажай его, как хочешь, но чтобы никаких ублюдков. Поняла? Я буду рядом и слежу за каждым твоим шагом, - Алинора посмотрела выразительно, а потом потрепала меня по щеке - как собачку. - Ну всё, будь умницей, тень.

Я отвернулась, потому что ее прикосновение хоть и не причиняло боли, но было отвратительнее, чем прикоснове-ние жабы.

Алинора рассмеялась, тихонько стукнула дверь, и я оста-лась совсем одна.

В чужом мире, в чужом доме и... под чужой маской.

Побродив по комнате, я остановилась у окна, совершенно не зная, что делать. Остаться здесь? Выйти? Заговорить со слугами первой? Попросить о помощи? У кого я, вообще, могу попросить помощи?..

Приподняв штору, я увидела парк – липовую аллею, под-

стриженный газон с фонтаном. Струи воды мягко блестели в утренних сумерках, вокруг пожелтевших подстриженных в форме куба кустов колыхался туман – длинными полосами, будто кто-то тряс простыню, взятую за четыре конца.

В этом мире была осень, в моём – лето. Судя по длинному платью, в которое меня нарядила Алинора, и остановке в комнатах, в этом мире ещё царило средневековье или что-то близкое эпохе возрождения. Как жить в таком мире человеку, который привык к благам цивилизации? Да ещё и болен редкой болезнью, излечить которую не в силах даже врачи, к услугам которых все современные технологии...

Я посмотрела на свою обожженную ладонь, а когда снова перевела взгляд на парк, то невольно вздрогнула. Мне показалось, что по липовой аллее движется чудовище – огромное, черное лохматое...

Но полосы тумана разошлись, и я с облегчением перевела дух. Это был всего лишь мужчина в меховом плаще. Высокий широкоплечий мужчина с копной черных вьющихся волос. Никакого чудовища...

И тут я вздрогнула во второй раз.

Генерал. Ксандр Левенштайль. Неужели, это – он?!

Я прижалась щекой к стеклу, пытаюсь понять, куда идет мужчина – мимо дома или в дом... Алинора могла хотя бы описать внешность своего мужа, чтобы я не попала впросак с первого же слова!..

Надежды мои не оправдались, потому что мужчина под-

нялся на крыльцо и стукнул кулаком в дверь – стукнул коротко, с нетерпением. Так мог бы стучать в двери хозяин, который вернулся после долгого отсутствия, а ему медлят открыть.

Правда, уже через секунду дверь распахнулась, и мужчина вошел в дом.

Я бестолково заметалась по комнате, натываясь на креслица и пуфики.

Может, мне лучше лечь в постель и притвориться спящей?..

А если муж Алиноры сразу же пожелает этим воспользоваться?!

Остановившись посредине комнаты, я вцепилась обеими руками в ворот платья, желая, чтобы оно превратилось в рыцарский доспех и защитило меня от чужого мужа.

Конечно же, ничего подобного не произошло, потому что в отличие от ведьмы Алиноры я не умела колдовать. А в коридоре уже слышались шаги, они затихли возле моей комнаты, и дверь в комнату начала медленно открываться...

Сквозняк, прорвавшийся в щель между дверью и косяком, задул свечу, стоявшую на столе. Темно не стало, но стало ещё страшнее. Я затаила дыхание, а дверь между тем открылась наполовину, и вошел мужчина – тот самый, в меховом плаще. Влажные от тумана волосы вились крутыми кольцами, нахмуренный взгляд не предвещал ничего хорошего, и между прямыми черными бровями залегла глубокая

морщинка.

Мужчина не заметил меня, потому что сразу посмотрел на пустую кровать – аккуратно застланную, между прочим.

Черные брови ещё ближе сошлись у переносья, мужчина уже решительно толкнул дверь, и она, распахнувшись, ударилась о стенку.

Я всхлипнула от страха, мужчина резко повернулся в мою сторону, и наши глаза встретились.

Глаза, кстати, у него были не слишком большими, но темными и пронзительными. Они так и прожигали насквозь. Небольшая борода и усы не скрывали четко очерченного, волевого рта. И я почему-то уставилась на этот рот, чувствуя себя птичкой, пойманной в клетку.

Губы мужчины дрогнули, искривились в усмешке, а потом он сказал – низким, глубоким голосом:

- Не спишь? Спустись. Надо поговорить, - и он вышел, закрыв за собой двери.

Снова раздались шаги в коридоре, а потом стало тихо.

Я в бессилье рухнула в кресло. Колени дрожали, и меня всю колотило противной крупной дрожью.

И кто это был? Наверняка, мой муж. Вернее, муж Алиноры. Кто ещё мог бы зайти по-хозяйски в спальню?

Но Алинора предупреждала, чтобы я поменьше болтала, а тут мне предлагали «поговорить». О чем?!

Глубоко вздохнув, я призвала себя к спокойствию. Главное – не поддаваться панике. Всегда можно сказать, что я...

упала и ударилась головой...

Только вот раны нет...

Я снова машинально взглянула на руку с ожогом.

Проклятая Алинора. Всё из-за неё. И... из-за Юрки.

Но предательство жениха казалось теперь каким-то очень далеким. И... ненастоящим. Всё это было *там*. А *здесь*... здесь мне надо было спасти себя не от разбитого сердца, а от кое-чего пострашнее.

Поговорить. Он хочет поговорить.

Ну и почему бы не поговорить? Говорить – это не спать с чужим мужем.

Я встала, одергивая платье. Оно было непривычным, путалось в ногах, и я чувствовала себя ещё более неуютно.

Но поговорить ведь можно – это не очень страшно. Особенно если молчать.

На деревянных ногах я подошла к порогу, ещё раз глубоко вздохнула для успокоения нервов, вышла в коридор и пошла...

А куда я пошла? Куда надо идти, чтобы *поговорить*?..

Я остановилась, стараясь сообразить, куда ушел мужчина в плаще.

На первый этаж? В свою комнату?..

На всякий случай я подергала дверную ручку в спальню Левенштайля.

Закрывается. Значит, разговаривать придется в другом месте.

Прислушиваясь к каждому шороху, я прошла по коридору

до конца, спустилась по лестнице и заглянула в столовую.

Мужчина был там. Стоял возле окна, и женщина средних лет – полноватая, в белоснежном чепце, с заспанным лицом, подавала на подносе чашку с каким-то дымящимся напитком.

- Доброе утро, миледи, - сказала женщина, делая маленький книксен. – Вам тоже подать чай?

- Да, пожалуйста, - пробормотала я.

Мужчина чуть приподнял брови, глядя на меня, молча взял чашку, которую предлагала ему служанка, и сделал глоток. Женщина в чепце ещё раз поклонилась и ушла, протиснувшись мимо меня бочком.

Я сделала два шага вперед и остановилась, переплетя пальцы и не зная, что сказать. Но мужчина молчал, испытующе глядя на меня поверх чашки, и я пробормотала:

- Доброе утро.

- Доброе, - ответил он, сделал ещё глоток и поставил чашку на подоконник.

Потом снял меховой плащ и бросил его на стул. Под плащом у него был черный пиджак (я не знала, как назвать эту одежду иначе), расшитый тонкими серебряными нитями. Мужчина в черном. Пугающе, между прочим.

- Может, хотите что-нибудь к чаю? – ухитрилась выдать я, теряясь под пристальным взглядом темных глаз. – Печенье, гренки...

Он опять приподнял брови – удивленно, насмешливо.

- Решила стать образцовой женой, Алинора? – спросил он с кривой улыбкой. – Ты головой, часом, не ударилась?

- Да, - подтвердила я с радостью. – Ударилась.

- Оно и видно, - проворчал он, снова мрачняя. – Признать-ся, я не хотел приезжать, - он отвернулся к окну, и теперь голос звучал глухо, но я почувствовала себя свободнее. – Не хотел приезжать, не хотел тебя видеть, но Малыш настаивал, что нам надо помириться. Малыш считает, что моя семейная жизнь должна быть безупречной. Никаких скандалов.

Малыш? Кто это – малыш?.. У Алиноры и ее мужа есть ребенок? Он настаивает, что семейная жизнь должна быть без скандалов?.. Почему эта ужасная женщина ничего не рассказала мне об этом?

- А вы как считаете? – спросила я, чтобы выиграть время.

- Я бы хотел, чтобы он побольше думал о своей семейной жизни, - отрывисто бросил мужчина. – Ему скоро двадцать два, а он и не думает о женитьбе.

Малышу – двадцать два? Что же это за малыш такой, великовозрастный?

- Но и спорить с ним не могу, - теперь мужчина говорил с усилием, будто каждое слово давалось ему с трудом. – Его величество настаивает, чтобы ты вернулась. Он хочет видеть нашу семью счастливой, видеть нас вместе. Вместе, понимаешь?

Значит, всё-таки он – генерал Левенштайль. Мой муж. То есть – муж Алиноры. Имя... имя... Как его имя? Такое тя-

желое, трудное... Тяжелое, как камень...

- Ксандр... - вспомнила я, наконец, и мужчина оглянулся.
– Давайте пока пьем чаю, - предложила я. – Разговор никуда не убежит. Я плохо себя чувствую, и мысли путаются...

- Не спала всю ночь? – подхватил он, и в глазах сверкнули опасные искорки.

- Не спала, - ответила я уже смелее. – Я же говорила вам, что поранилась. Неважно себя чувствую... - я показала ему ожженную ладонь, как доказательство своего недомогания.

Мужчина в несколько шагов преодолел расстояние между нами и наклонился над моей пораненной рукой.

- Ты в своем уме? – резко спросил он, разглядывая вспухший ожог, который уже пошел пузырями. – Почему не перевязала?

- Смазала мазью, - залепетала я, потому что его близость произвела на меня странное впечатление.

С одной стороны – страх, с другой...

От него пахло мускусом и чем-то ещё – приятным, свежим и горьковатым. Наверное, это были запахи листвы и тумана... Он ведь шел через парк... Черные кудри почти коснулись моей кожи, но сам мужчина не взял меня за руку, чтобы внимательнее рассмотреть ранку на ладони. Наоборот, он спрятал руки за спину, словно боясь дотронуться до меня.

Прикосновения, причиняющие боль...

Нет, такое просто невозможно.

Вернулась служанка с ещё одной чашкой чая, и мужчина

приказал ей, хмурясь и кусая нижнюю губу:

- Почему вы не позаботились о хозяйке, Селеста? У нее поранена рука.

- Рука, милорд Ксандр?! – переполошилась женщина и задрожала так, что чуть не уронила поднос.

Милорд Ксандр. Значит, я угадала. Этот человек – муж Алинры. Генерал. Повелитель смерти. С чего бы он – Повелитель смерти?

- Простите, я ничего не знала! Я сейчас же... -

- Ты никому не сказала? – черные глаза Ксандра Левенштайля впились мне в лицо. – Ожог сильный. Тебе, должно быть, очень больно, - последние слова он произнес с непередаваемой гримасой, будто ему наступили на мозоль.

- Живя рядом с вами, милорд, я научилась терпеть любую боль, - ответила я прежде, чем поняла, что ответила.

Глаза у него и так были темными, а сейчас превратились просто в непроницаемо-черные.

- Рядом со мной? – процедил он сквозь зубы. – Я, по-твоему, такое чудовище, а ты – безвинная овечка?

- Пойду принесу бинты для миледи, - торопливо сказала Селеста, поставила на стол поднос с чаем и удалилась едва ли не бегом.

В столовой стало тихо. Ксандр Левенштайль хмуро и задумчиво смотрел на мою руку, а я благоразумно помалкивала. И так сказала лишнее.

- Малыш просил, чтобы я с тобой помирился, - произнес

он, наконец. – Но Малыш не знает, какая ты хитрая и лживая... – он не договорил, резко замолчал и отвернулся.

Да, не слишком добрые были у этих супругов отношения.

На моё счастье вернулась Селеста с корзиночкой, полной бинтов и мазей. Моя ладонь была обработана и перебинтована так тщательно, будто я была золотая с бриллиантовым напылением.

- Чай остывает, миледи, - сказала она, когда завязала тугой узелок. – Подать вам другую чашку?

- Нет, благодарю, - я взяла чашку с подноса и так же, как милорд Ксандр, сделала глоток. – Очень вкусно, - похвалила я, потому что чай и в самом деле был каким-то особенным – ароматным, сладковатым, но не приторным.

От него в голове прояснялось и сердце успокаивалось. Я сделала ещё глоток и поймала взгляд мужа Алиноры. Смесь удивления и недоверия. Немного презрения, немного брезгливости...

Я что-то сделала не так. Но что?..

- Теперь оставьте нас, - велел он служанке. – Нам с миледи надо поговорить.

Служанка исчезла тихо и бесшумно, как хорошее приведение, и мы опять остались одни.

- Его величество устраивает праздник, - хмуро сказал милорд Ксандр. – Опять прикупил какую-то там картину... Нам надо появиться, похвалить эту мазню. Ты – мила, добра и предупредительна. Понятно?

Что-то подобное я слышала от Алиноры. Им заготовку речи раздали, что ли? Одну на двоих.

- Никаких выходов, никаких капризов, - тут он понизил голос. – Очень прошу тебя вести себя достойно. Не показывай слишком явно, что я тебе так противен.

- Хорошо, - коротко ответила я, потому что не знала, что ещё можно было ответить.

- Нам придется танцевать вместе, - продолжал он. – Не знаю, что придумать... Надень перчатки, что ли.

- Перчатки? Зачем? – неосторожно переспросила я.

Он бросил на меня взгляд, в котором были и гнев, и ярость, и обида, и ненависть. Я вздрогнула, потому что это не могло не испугать. Я даже попятилась, чуть не уронив чашку.

- Похоже, ты слишком сильно ударила головой, - сказал милорд Ксандр холодно.

А, его прикосновения причиняют боль и могут даже убить. Так говорила Алинора. Можно подумать, этот человек – ядовитый, как лягушка-древолаз. Но пусть думают, что хотят. Проверять я это точно не собиралась.

- Хорошо, надену перчатки, - я не хотела с ним спорить.

Лучше бы поскорее закончился этот непонятный разговор, похожий на блуждание в тумане.

- Мы поедем сегодня вечером, - неожиданно выдал Ксандр Левенштайль. – Собери, что тебе нужно.

Вечером?!

Только тут я поняла, что пропустила мимо ушей главное.

- Как это – поедем? – спросила я, растерянно. – Но я... я не хочу... я не могу!..

Глава 3. Планы изменились

Милорд Ксандр посмотрел на меня с раздражением.

- Не представляю, что может тебе помешать, - произнес он почти с издевкой. – Ты опять начинаешь, Алинора? Когда я отправил тебя из столицы, ты готова была на голову стоять, лишь бы не уезжать, а теперь не хочешь возвращаться? Избавь меня от своих капризов, будь добра.

Я лихорадочно пыталась сообразить, что делать.

Алинора рассчитывала, что ее муж приедет, задержится на пару дней и уедет. Но и слова не было о том, что уехать придется мне, да ещё появиться при дворе какого-то короля, да ещё и танцевать там!.. Меня же раскусят в два счета!..

- Я... я... я больна!.. - выпалила я первое, что пришло мне в голову.

- Вот в столице и подлечишься, - процедил он сквозь зубы, и в темных глазах мне почудились красноватые искорки. – Не выводите меня из себя, очень прошу. Иначе придется за-талкивать тебя в карету, а для этого мне нужно будет тебе прикоснуться.

В этот момент Ксандр Левенштайль был по-настоящему страшен, и я невольно ахнула, отступив.

- Что, сразу всё вспомнила? – проворчал он, отворачиваясь. – Прикоснуться ко мне – всё равно, что сунуть руку в огонь.

Он повторил слова Алиноры, и я догадалась, что именно от неё-то он это и слышал.

Сумасшедшая семейка...

Лучше молчать и не говорить больше ни о чем. И... и как же не поехать с ним?!

- Споры закончены, - заявил между тем Левенштайль. – К вечеру выезжаем. Ночь придется провести в дороге, но у меня дела завтра, поэтому не могу медлить.

- Я могу приехать позже, - ухватила я за последнюю спасительную ниточку.

- Не обсуждается, - отрезал он. – Если не голодна, то иди, собирай вещи. Я сказал Селесте, чтобы она поджарила хлеба и колбасы. Но ты ведь не жалуешь *варварскую* пищу?

- Да, милорд, - ответила я немного невпопад и поспешила уйти, хотя не отказалась бы сейчас ни от жареного хлеба, ни от жареной колбасы.

Но Алинора, судя по всему, любила более изысканные кушанья, поэтому и мне приходилось полюбить их.

Уже выходя из столовой, я не утерпела и оглянулась.

Ксандр Левенштайль стоял у окна, но смотрел на меня. Вернее, на Алинору. Ведь он был убежден, что перед ним – его жена. Наши взгляды встретились, и... и что-то произошло. Я совсем иначе увидела этого большого, сильного человека... Он пытался язвить, смотрел на жену с ненавистью, но кроме ненависти было ещё кое-что. Была страсть. Ошибиться просто невозможно... Эти темные глаза, этот взгляд – всё

переменилось в одно мгновение. Куда девались насмешка и злость?.. Я замерла, захваченная этим внезапным всплеском чувств, обрушившихся на меня так случайно, так нечаянно...

Может, это и есть та магия, о которой говорила Алинора?..

Иначе как объяснить, что я поняла всё это по одному лишь взгляду...

Милорд Ксандр резко отвернулся, делая вид, что его очень интересуют квадратные кусты в парке.

Очарование взгляда, его сила – пропали, но я продолжала стоять у порога, будто окаменела.

Муж желал собственную жену. И даже от неё самой пытался это скрыть. А свидетелем этой слабости стала я. Совершенно посторонний человек. Как он отреагирует, когда узнает об этом? Что в его семейную жизнь так нагло вмешался кто-то третий и разузнал семейные тайны?

- Ещё что-то хочешь сказать? – спросил Левенштайль, уже не сдерживая злости.

- Нет, - пробормотала я, отмирая. - Соберу вещи... милорд.

Весь день я провела в своей комнате, вернее – в комнате Алиноры. Левенштайль не беспокоил меня, и я сидела на краешке кровати, перед распахнутым шкафом, не зная, что делать. Ехать в столицу с мужем, которого совсем не знаю? Безумие. Закатить скандал и остаться? Если бы это помогло.

Проблема была в том, что я даже не представляла, как

Алинора должна собираться в столицу. Что следует взять с собой? В спальнной комнате висели десятки платьев самых разных цветов и фасонов. В небольшой гардеробной были плащи, куртки, туфельки, сумочки... Я просто не знала, за что хвататься.

Когда ближе к вечеру появилась Селеста, сообщив, что ужин на столе, я всё также сидела перед двумя огромными дорожными чемоданами, которые сиротливо распахнули свои пасти, но в них так ничего и не упало.

- Благодарю, - сказала я служанке, - но лучше принесите мне ужин сюда. Я ещё не собрала вещи, поем в своей комнате.

Обед мне принесли в спальню, и я рассчитывала, что так поступят и сейчас. Это хоть немного оттянет мою встречу с Левенштайлем.

- Милорд приказал, чтобы вы спустились, - с непроницаемым лицом произнесла Селеста и вдруг внимательно на меня посмотрела: - Вы хорошо себя чувствуете, миледи? Почему вы не сказали, что поранились? Милорд сказал, что вы жаловались ему, что ударились головой. Когда вы ударились?

- Всё уже прошло, - я прикоснулась к правому виску и поморщилась, делая вид, что испытываю боль. - Просто немного кружится голова. И я никак не могу решить, что надеть в дорогу... и к ужину...

В глазах служанки промелькнуло что-то вроде испуга, смешанного с недоверием.

- Могу принести вам мелиссовой воды, - предложила она бесстрастно. – От нее головная боль исчезает, даже тени не остается. А к ужину вы всегда надевали вот это платье, - она указала на красивый наряд из темно-синего бархата. Милорд ждет. Вам помочь одеться?

- Да, пожалуйста, - ответила я со слабой улыбкой, хотя упоминание про тень дёрнуло меня, как от зубной боли. – Какая-то слабость...

- Мелиссовой воды? – предложила она.

- Нет, благодарю, - отказалась я, потому что понятия не имела, что делать с этим лекарством – пить, мазать им виски или нюхать.

Вот на таких мелочах палились шпионы в боевиках. А теперь я сама оказалась в подобной ситуации.

- Встаньте, я вас раздену, - Селеста помогла мне снять платье, безошибочно извлекла из сундука пару белоснежных нижних юбок, надела на меня и туго затянула поясок. – Вы похудели, - сказала она с неудовольствием. – Почему вы не сообщили мне, что больны? Милорд сердится.

- Всё в порядке, - машинально ответила я, глядя на себя в зеркало.

Это походило на сон, который никак не кончался. Или на съемки фильма, где все знали свои роли кроме меня. Но вот Селеста помогла мне занырнуть в синее платье, затянула шнуровку на корсаже, расправила рукава и отступила на шаг, оглядывая меня с головы до ног.

- Вы слишком бледная, - сказала она, и в ее взгляде недоумения становилось всё больше. – Вы на привидение похожи. Может, вызвать врача? Я скажу милорду, что вы плохо себя...

- Что ты скажешь милорду? – раздался голос Ксандра Левенштайля.

Распахнув двери, он стоял на пороге и оглядывал меня с таким же вниманием и недоумением, как Селеста. Только в его взгляде были ещё злость и раздражение.

Приятная смесь эмоций. И всё для меня одной.

- Вы могли хотя бы постучаться, - не удержалась я.

- Постучаться? – он вскинул брови. – Это – мой дом. Вы – моя жена. И я могу заходить в вашу спальню без стука в любое время дня и ночи. Я послал за вами Селесту, почему вы не спустились к столу?

Теперь раздражение выдвинулось на первое место, потеснив остальные чувства.

Я не успела ответить, потому что заговорила Селеста:

- Миледи плохо себя чувствует, - торопливо сказала она. – Посмотрите, милорд, какая она бледная... Возможно, ей лучше остаться? Вызовем врача...

- Не останется, - отрезал Левенштайль и посмотрел на меня долгим, тягучим взглядом.

Теперь раздражения поубавилось, зато в глазах мужчины появилась горечь и... тоска... Или мне это показалось? Под этим взглядом мне стало жарко и холодно одновременно, и я

почувствовала, что голова и в самом деле начинает кружиться.

- Миледи прекрасно выглядит, - проворчал Ксандр Левенштайль. – А румянца ей прибавит прогулка в экипаже. Я жду, - это уже относилось ко мне. – Хватить прихорашиваться. Всё равно не подействует.

Он от души хлопнул дверью, и мы с Селестой одновременно вздрогнули.

- Вам лучше спуститься, - напомнила служанка, и я молча кивнула.

Не подействует...

Обманивайте кого-нибудь другого, милорд. Ваша жена действует на вас, как мед на шмеля. Это видно даже мне, которая встретила вас всего несколько часов назад.

Мне стало и смешно, и грустно, и досадно. Тоже не самая простая смесь переживаний. И самое главное – непонятная. С чего бы мне переживать за хмурого грубияна Ксандра? Чужого мужа, совершенно постороннего мужчину? Мне надо переживать за себя. Надо думать, как вернуться, как спастись...

Спустившись на первый этаж, я почти крадучись прошла в столовую.

Стол был накрыт хоть и не очень разнообразно, но все блюда были изысканными и приятно пахли. Сам хозяин стоял, облокотившись о спинку стула.

- Вот и вы, наконец, - буркнул Левенштайль, когда я по-

явилась.

Он продолжал стоять, держась за стул, и я поздно сообразила, что это всего лишь жест вежливости – муж ждет, пока сяду я. Вернее, чужой муж ждет.

Я не знала, где мне можно сесть, потому что понятия не имела, как прежде проходили ужины у этой семейной пары, но чашки стояли с двух сторон от стола – напротив друг друга, и я быстренько уселась по ту сторону, радуясь, что не придется сидеть рядом с Левенштайлем.

Взгляд его стал задумчивым, мужчина как-то странно хмыкнул, потом нахмурился и сел за стол, сразу пододвинув к себе блюдо с котлетками в соусе.

- Хотел отправить вас в экипаже одну и поехать верхом, - говорил милорд Ксандр, не глядя на меня, - но теперь придется поехать с вами. Я не взял слуг, только кучера. Так что придется вам потерпеть мою компанию до города.

Я чуть не выронила вилку, которую только что взяла.

- Это лишнее, милорд, - сказала я, осторожно подбирая слова. - Если вы хотели отправиться верхом, не надо менять своих решений из-за меня.

- Думаете? – отрывисто спросил он, продолжая накладывать в тарелку ото всех блюд понемногу, так что вскоре там образовалась внушительная гора. – А если вы упадете в обморок, так и поедете?

- Я не собираюсь падать в обморок, - быстро сказала я. – Прекрасно себя чувствую и...

- И я поеду с вами, - отрезал он и на этот раз посмотрел на меня в упор.

Ну и взгляд... Я почувствовала себя котлеткой на тарелке Ксандра Левенштайля. Будто это меня проткнули вилкой насквозь. Несмотря на всю неприязнь к Алиноре, сейчас я ее очень хорошо понимала – жить рядом с таким мужчиной нелегко и даже страшно.

Больше я решила не спорить. Ну поедет он со мной – и пусть едет.

Не съест же он меня по дороге. И не разгадает подмену, если до сих пор не разгадал.

Так я убеждала и утешала себя, когда карета выехала из парка, а в полутемном экипаже напротив меня сидел Ксандр Левенштайль. Но никакие убеждения не действовали, и я всё больше нервничала под пристальным взглядом темных глаз, и усиленно делала вид, что меня клонит в сон.

Мне и правда удалось задремать, хотя карету немилосердно подбрасывало на ухабах, а проснулась я оттого, что подбрасывания прекратились. Открыв глаза, я увидела, как Левенштайль открыл дверцу экипажа и высунулся наружу, спрашивая у кучера, что происходит.

Ответил ли кучер, я не слышала, но слышала, как что-то свистнуло мимо моего виска и глухо ударилось в противоположную стену. Я с удивлением рассматривала какую-то короткую и толстую палочку с двумя лопастями на конце, воткнувшуюся глубоко в обивку кареты. Палочка ещё дро-

жала, и я протянула руку, чтобы потрогать её.

- Под сиденье! – рыкнул вдруг Левенштайль и схватил меня за шею пониже затылка, пригибая к полу. – Не высовывайся!

Этот крик перепугал меня до такой степени, что я даже не сопротивлялась и позволила затолкать себя куда-то в угол. Сверху посыпались подушки, которые до этого лежали на скамейке подо мной, а потом стукнула дверца, и в карете стало тихо-тихо.

Выждав немного, я выползла из-под сиденья, довольно долго возилась, пытаясь подняться, потому что запуталась в подоле платья. В карете я была одна, муж исчез, и снаружи раздавался какой-то странный шум – будто звенели ложки и вилки. Но откуда здесь вилки?..

Кое-как поднявшись на ноги, я первым делом заправила подол длинного платья за пояс, а потом приоткрыла дверцу кареты, выглядывая одним глазом. Мы остановились на лесной дороге, и сначала я заметила только пласты тумана, наползавшие из чащи. Звон стал отчетливей, я осмелела и приоткрыла дверцу пошире.

Звон стих, зато раздался треск веток, будто кто-то бросился через чащу напролом.

- Кому сказал – не высовываться! – Ксандр Левенштайль появился передо мной так неожиданно, что я вскрикнула и отшатнулась.

Муж Алиноры стоял передо мной, держа в правой руке

длинный нож, а на его клинке были пятна... подозрительно похожие на кровь...

- Это... это... - я с перепугу позабыла все слова.

- Это нас пытались убить, - подсказал Левенштайль, утирая лоб рукавом. — И ещё, наверное, попытаются. Так что ты бы спряталась, - и он захлопнул дверцу перед моим носом. Убить!..

По сравнению с этим измена Юрки сейчас казалась чем-то вроде детского спектакля.

Я стояла перед закрытой дверцей кареты и лихорадочно раздумывала, что же мне делать.

Спрятаться, как посоветовал муж? А где прятаться? Сунуть голову под сиденье, как страус, и надеяться, что убийцы совсем идиоты, и меня не заметят?

Нет, если и прятаться, то точно не в карете.

Опять приоткрыв дверцу, я выглянула, убедившись, что рядом нет никаких убийц, и выскочила прямо в полосу тумана, который сразу окутал меня, как плотное ватное одеяло.

Никогда не думала, что в тумане всё слышится иначе. Я пошла вокруг кареты, пытаюсь услышать, откуда нападают убийцы, но до меня доносились какие-то странные булькающие звуки, какое-то приглушенное мычание и глухой перестук.

Сделав ещё пару шагов, я увидела неясные тени по ту сторону кареты и остановилась, прячась за колесом.

Лучше бы я оставалась в карете... Наверное...

Порыв ветра разогнал туман, и я увидела КсандраЛевенштайля, который держал за шею какого-то мужчину, пригибая его к земле так же, как только что пригибал меня к полу кареты, заставляя лезть под сиденье.

Мужчина дергался, как будто его било током, и мычал, захлебываясь и ударяя ногой по земле – именно это я и слышала, когда вышла на дорогу.

- Остальные сбежали, - услышала я вальяжный голос нашего кучера, а потом и сам он появился из тумана, разгребая его руками, как волны. –В одного, кажись, я попал, но не туда, куда надо.

- Если убежал – значит, не попал, - процедил Левенштайль сквозь зубы. – Дай верёвку, этого хоть допросим.

- Слушаюсь, ваша светлость, - небрежно бросил кучер и так же вальяжно зашагал к карете.

Схваченный мужчина ещё сильнее засучил ногами, уже не булькая, а жалко поскуливая. Кучер вернулся с веревкой, и вдвоем с хозяином они связали пленника, а потом кучер вздернул его на ноги, держа за шиворот.

- Здесь или в замке, ваша светлость? – спросил слуга у Левенштайля.

- В замке, - отрывисто отозвался он. – С нами герцогиня, не хотелось бы рисковать.

- Герцогиня... - кучер скривился и сплюнул. – Я этого в багажный отсек суну, - он потащил связанного пленника к задним колесам, где пряталась я.

Я хотела незаметно юркнуть обратно в карету, но тут меня заметили.

- Тебе было велено не высовываться, - хмуро сказал Ксандр Левенштайль, подходя ко мне. – Марш обратно, если не хочешь... - тут он на секунду замялся, но закончил почти с угрозой: - если не хочешь, чтобы я тебе помог.

Угроза была – так себе, и я хотела сразу же сказать об этом. Мол, глупо прятаться в карете, где негде спрятаться, и глупо грозить жене, которую только что пытался спасти...

Ай, мамочки. У него же там какие-то суперболезненные прикосновения. Я и забыла. Алинора терпеть не могла, когда он к ней прикасался, и мне надо вести себя так же, как она.

- Сейчас же марширую обратно, - сказала я с холодком, - если нам больше ничего не угрожает.

- Пока нет, - буркнул Левенштайль, бросив на меня взгляд исподлобья. – Саймон говорит, остальные убежали, этот связан, - он мотнул головой в сторону пленника, которого кучер как раз собирался засунуть в багажное отделение кареты, бесцеремонно отодвинув меня в сторону.

- Ну если Саймон говорит - значит, всё в порядке, - не удержалась я от колкости, круто развернулась и ушла в карету.

- Язвит, - услышала я голос кучера.

Левенштайль что-то ответил, но я уже не расслышала.

Забравшись в карету, я села на мягкое сиденье, зарылась в подушки и завернулась в плащ до самых глаз. Меня так

и колотила крупная дрожь, и сначала я решила, что это от сырости и холода, но я согрелась, а дрожь не проходила. Да что это со мной?..

Почему-то вспоминалось, как муж Алиноры хватал меня за шею, засовывая под сиденье.

Грубо. Очень грубо.

Я покрутила головой и поморщилась, потирая шею. Наверное, будут синяки. У него ведь пальцы – как железные...

Дверца открылась, и внутрь забрался Ксандр Левенштайль – по виду мрачнее тучи и холоднее тумана. Он ударил кулаком в перегородку, и карета сразу двинулась.

Несколько мнут мы ехали молча, не глядя друг на друга, а потом муж Алиноры нарушил тишину.

- Не слишком больно? – отрывисто спросил он, скрестив на груди руки и сунув ладони под мышки.

- Что? – не поняла я.

- Шея, - коротко уточнил он. – Не слишком больно? Я ведь прикоснулся к тебе.

- А-а-а... - начала я и закрыла рот, бестолково тараща глаза.

Он ведь прикоснулся ко мне, а я не заорала, не засучила ногами, как пленник, даже не пикнула. Так, Алинора говорила, надо соврать что-то про неземную любовь... Как же она там советовала?..

- Моя безмерная любовь к вам, милорд, помогла победить проклятье, - пробормотала я.

Мужчина подался вперёд так стремительно, что я вскрикнула от неожиданности.

Совсем рядом я увидела темные глаза, полыхающие гневом, сурово сжатые губы...

- Лгунья, - процедил Левенштайл сквозь зубы.

Я и сама понимала, что вышло фальшиво. И даже умудрилась покраснеть. Оставалось надеяться, что в карете было достаточно темно, и герцог не заметил предательского румянца.

Левенштайл откинулся на спинку сиденья, скрестил на груди руки и закрыл глаза. Только трепетавшие ноздри указывали на то, что он не был спокоен. Я помалкивала, решив пока повременить с заверениями в любви.

Лгунья... Герцог назвал жену лгуньей...

Что ж, сразу можно было понять, что никакой любви в этой семье нет. А была?..

Я украдкой разглядывала мужчину, сидевшего напротив.

В моем мире он считался бы очень красивым. Мог бы стать актёром или фотомodelью. Черты лица были не слишком правильными, но гармоничными и очень... мужественными. Я невольно сравнила этого человека с натурщиками, которых нанимала для позирования. Ни у одного не было такой по-настоящему мужской красоты. Смазливые мальчики, слабохарактерные юноши, самовлюбленные мужчины... В картинах я придавала им необходимую суровость и решительность, а вот с Левенштайлем не нужно было приукраши-

вать реальность... И если подвинуть светильник чуть в сторону, чтобы освещение было немного спереди и сбоку, получился бы замечательный портрет.

Машинально я сложила руки «окошком», соединив указательный палец левой руки с большим пальцем правой, а указательный палец правой руки – с большим пальцем левой, чтобы образовалась рамочка. Так художники отыскивают наиболее выгодный ракурс.

Прищулив один глаз, я навела «рамочку» на Левенштайля. Да, лучше всего написать портрет крупным планом, с разворотом головы в три четверти, чтобы хорошо был виден резкий профиль, четкий абрис губ...

Муж Алиноры вдруг открыл глаза и уставился на меня, а я, застигнутая врасплох, испуганно смотрела на него, продолжая держать «рамочку».

- Ты что это делаешь? – в голосе герцога послышалось удивление.

- Ничего, - быстро ответила я и села, как примерная девочка, сложив руки на колени.

- Ты что... колдуешь?! – Левеншталь прищурился, оглядывая меня от макушки до кончиков туфель.

Взгляд его задержался на моих ногах, и только тут я вспомнила, что для удобства заткнула подол платья за пояс. Надо сказать, чулки в этом мире были произведением искусства. Сейчас на мне были ажурные шелковые, черного цвета с алыми бантиками на подвязках. Надевая их, я подумала,

что теперь мне только плясать канкан в кордебалете. Тогда было смешно, а теперь... теперь смешно не было. Потому что глаза мужчины вспыхнули, и я перепугалась этого огня ещё больше, чем разоблачения, и торопливо одернула подол платья, спрятав и ноги и чулки под три юбки – одну верхнюю и две нижних.

Левенштайль ничего не сказал, но нахмурился и снова закрыл глаза, отодвинувшись в угол кареты и подсунув подушку под плечи – вроде как уснул.

Я с облегчением выдохнула. Дикий какой-то... Чулков, что ли, никогда не видел? Или тут как в девятнадцатом веке – женщина показала щиколотку, мужчины упали в обморок?

Чтобы не испытывать судьбу, я передвинулась в противоположный угол, поудобнее расположилась на подушках и тоже сделала вид, что сплю. Но спать не получалось. Все мои чувства, казалось, обострились до предела – я слышала дыхание Левенштайля, слышала шорох одежды, когда герцог осторожно менял положение, стараясь меня не потревожить и не соприкоснуться даже коленом, что было очень затруднительно в небольшом экипаже.

Сколько будет длиться это путешествие? Потому что невозможно долго находится в таком напряжении...

Для меня время перестало идти от слова «совсем». Карета тряслась по дороге, и этому не было конца. Но ведь любое путешествие когда-нибудь заканчивается... Я попыталась считать овец, чтобы уснуть, но это не помогло. Начала мыслен-

но и наизусть читать стихи Пушкина – и обнаружила, что забыла всё кроме фразы «я помню чудное мгновенье». Больше никаких занятий не придумывалось, и пришлось просто ехать, ощущая присутствие чужого мужчины, как собственное дыхание.

Карета в очередной раз дернулась и остановилась.

Снаружи бухнуло в стену, а потом послышался скрип открывающейся дверцы.

- Приехали, - раздался голос Левенштайля, и я встрепенулась, открывая глаза.

Глава 4. Хозяйка очень большого замка

Всё-таки я задремала, потому что в карету уже лился золотистый утренний свет. Я прищурилась, зевнула и поднялась с сиденья, чувствуя себя неуклюжей и неловкой со сна.

Чья-то рука поддержала меня под локоть, помогая спуститься по откидной лесенке, и незнакомый мужской голос произнес:

- И всё-таки, не надо было ехать в ночь, Ксандр. Алинора устала, вон какая бледная... Как вы, дорогая? Ванна уже готова, а потом можете отдохнуть.

Голос был приятным, тон участливым, а под локоть меня поддерживал мужчина лет двадцати пяти, невероятно похожий на Ксандра, но в то же время непохожий – никакой мрачности, угрюмости, замкнутого выражения лица... Мужчина улыбался, показывая ровные белые зубы, светло-русые волосы лежали красивыми волнами, светло-серые глаза искрились затаенным весельем – смотреть на него было одно удовольствие. Облегченная и освещенная копия генерала, если можно так выразиться. Мужчина был не таким высоким и крепким, как Левенштайль, но его рука поддерживала меня с заботой...

- Её светлость не устала, - проворчал генерал, встав к нам

вполоборота. – Наоборот, проявила неуместную прыть, когда ей было велено сидеть и носа не высовывать.

- Что? – блондин вопросительно посмотрел на меня. – Что произошло, невестка?

Невестка... Скорее всего, этот красавчик – брат генерала. Да, тогда сходство понятно и объяснимо.

- На нас напали, - пискнула я, прежде чем подумала – а стоит ли об этом говорить.

- Напали? – блондин порывисто повернулся к Левенштайлю. – Ксандр! Что случилось?!

- Ничего особенного, малыш, - буркнул герцог. – Ты прав, лучше позаботиться о её светлости. Проводи её в дом. Ванна, завтрак... что там ей захочется, - и он пошел вокруг кареты, широко и крепко шагая, будто маршировал на плацу.

Кучер спрыгнул на землю и очень выразительно посмотрел на нас с блондином.

Ах, да. У них же пленник. С которым им, скорее всего, не терпится поговорить.

- Я устала... - пробормотала я, отводя взгляд от Левенштайля. – Проводите меня в мою комнату, пожалуйста.

Лучше ни во что не вмешиваться. А ещё лучше – спрятаться где-нибудь в спальне Алиноры и не отсвечивать, чтобы не злить мужа и не попасться на какой-нибудь ерунде.

- Прошу вас, - блондин заботливо поддержал меня под локоть и повел к дому.

Только теперь я обратила внимание, где нахожусь. Каре-

та остановилась во дворе перед огромным каменным домом, который с легкостью можно было назвать замком.

Мощные светлые стены казались бесконечно высокими, узкие окна смотрелись грозно, как бойницы, и над самой высокой башней развивался синий с золотым флаг. В целом, этот дом был отражением своего хозяина – слишком мрачный, слишком воинственный, слишком... неприступный...

- Линда уже приготовила горячую ванну для вас, дорогая невестка, - блондин прервал мои размышления о генерале и его жилище. – Скоро осень, рассветы прохладные, вы можете простудиться. И я желаю узнать всё подробно. Алинора, кто на вас напал и почему?

Позади раздалось многозначительное покашливание, и я испуганно оглянулась. Конечно же, закашлялся господин Левенштайл, и это было явным намеком, что мне следует помалкивать.

- Не обращайтесь на Ксандра внимания, - блондин тут же увлек меня дальше по дорожке, посыпанной песком. – Вы же знаете, что он только с виду грозен, но и котёнка не обидит.

«Ты явно многого не знаешь, малыш», - подумала я в ответ и сообразила, что назвала взрослого мужчину малышом, так же, как совсем недавно его назвал герцог.

Эм... Малыш – это не ребенок? Малыш – это вот этот вот красавчик?..

Алинора могла хотя бы предупредить меня, с кем я могу столкнуться из ее родственников. Вот кто такой этот Ма-

лыш? Брат Ксандра Левенштайля? А ведь я даже имени его не знаю...

Мы зашли в дом, и я почти сразу остановилась.

В прихожей было полутемно, потому что свет из узких окон падал на лестницу, винтом уходящую на второй этаж, а не на дверь.

- Что такое? – с готовностью спросил блондин, тоже останавливаясь и заглядывая мне в лицо. – Алинора, что произошло? Я хочу знать всё.

- Так получилось, - начала я, с трудом подбирая слова, - что я немного упала... и немного ударилась головой... и после этого немного... немного потеряла память... Ксандр не верит мне, но это так. И мне страшно, - тут я уже заговорила свободнее и даже голос дрогнул от жалости к самой себе, - потому что я чувствую себя ужасно беспомощной и одинокой. Я не помню, как вас зовут и кто вы, и даже не помню, где моя комната.

Мужчина распахнул от удивления глаза и несколько секунд разглядывал меня с таким изумлением, будто я превратилась из принцессы в лягушку. Ну или наоборот.

- Неужели... - произнес он хрипло и оттянул пальцем ворот рубашки, глубоко вздохнув.

- Ничего не помню, - повторила я шепотом. – И совершенно не знаю, что мне делать.

- Во-первых, ничего больше не говорить Ксандру, - блондин заговорил деловито и повел меня к лестнице. – То, что

он вам не поверил, Алинора, это огромная удача. Если поверит, вы окажетесь в сумасшедшем доме быстрее, чем успеете досчитать до десяти. Боюсь, мой брат только и ждет повода, чтобы избавиться от вас. Но, между нами говоря, вы ведь кое-что для этого сделали, не так ли?

- Не помню, - ответила я умирающим голосом.

- Может, и к лучшему, - пробормотал он и продолжал: - Во-вторых, вам не надо бояться. Я рядом с вами, я вам расскажу всё и обо всех, и не оставлю одну. Уверен, что память со временем вернётся, надо только лишь хорошо постараться.

- Да, - кивнула я, потому что не знала, что ещё сказать.

- Меня зовут Диамант Левенштайл, - теперь блондин говорил со мной, как с обожаемым ребенком – с теплотой и заботой, - я ваш деверь и младший брат того громилы, что называется вашим мужем. Но Ксандра вы ведь помните?

- Его трудно забыть, - призналась я с нервным смешком.

- И то верно, - согласился Диамант. – Поэтому сейчас вы ни о чем не волнуетесь, поступаете в распоряжение Линды, а когда отдохнете, мы встретимся и поболтаем. Ксандра я беру на себя.

- Спасибо, - сказала я искренне. – Как мне называть вас? По имени? Я позабыла, как мы общались раньше...

- Зовите по имени, - он проводил меня до какой-то двери в середине коридора. – Брат зовет меня просто – Малыш. Потому что я младше его на пятнадцать лет, но вы так нико-

гда меня не называли.

- Хорошо, тогда буду звать вас Диамантом, - я словно попробовала на вкус это красивое, сияющее имя.

Диамант – кажется, так когда-то в старину называли алмазы.

Подходящее имя для мужчины-аристократа. Тем более, если этот мужчина – красавчик, блондин и просто обходительный человек. Да, обходительный. Насколько же с ним было проще, чем с Ксандром.

- Очень рассчитываю на вашу помощь, - сказала я, постаравшись, чтобы это прозвучало как можно трогательнее.

- Не беспокойтесь, я вас не оставлю, - Диамант поцеловал мне руку и распахнул дверь, пропуская меня вперед.

Сам он не пошел вместе со мной, и я вздрогнула, когда дверь захлопнулась.

Меня опять заперли?!

Я бросилась обратно, схватилась за дверную ручку, готовая умолять, чтобы меня выпустили, но в это время позади раздался женский голос:

- Миледи, мы рады приветствовать вас. Жаль, что вы не сообщили о возвращении заранее, в вашу честь был бы устроен торжественный приём, но милорд сказал об этом лишь вчера... - дама говорила чопорно, очень четко и немного сухо – так в фильмах о прошлых веках говорят отлично вышколенные слуги.

Оглянувшись через плечо, я перетрусилась по-настоящему.

Диамант привел меня в ванную комнату – размерами со всю мою мастерскую и даже с запасом. Посредине красовался небольшой мраморный бассейн, в который из каменной львиной головы текла тонкой струйкой вода, а у стены на возвышении стояла медная ванна на витых ножках. Над ванной завивались струйки пара, и четыре – четыре! – девушки в черных одинаковых платьях и одинаковых белых передничках подливали в неё ковшами кипятка.

Ещё четыре девушки стояли за спиной высокой худощавой дамы, которая тоже была в черном платье, но без передника. Отложной воротничок ослепительной белизны был сколот у горла маленькой брошкой в виде листика плюща. Листик сделали из крохотных зеленых камешков, а прожилки на листе – из серебряной проволоки. Работа была очень изящной, и я засмотрелась на эту винтажную брошь, не заметив, что в ванной комнате стало тихо.

- Миледи? – осторожно позвала меня дама с брошью. – Что-то не так? Если вы желаете, мы немедленно организуем построение слуг...

- Нет, не нужно, - пробормотала я, наконец-то отпуская дверную ручку и поднимая взгляд от броши на лицо её обладательницы.

Передо мной была женщина лет тридцати – бледная, со светлыми волосами, разделенными на прямой пробор. Ее можно было бы назвать миловидной, но что-то мешало это сделать. Гармоничность черт была какой-то смазанной, и во

всем облике – сплошная невнятность. Будто женщина была отражением, а не реальным человеком. Наверное, всё дело в унылом черном наряде, который не оживили ни воротничок, ни брошь...

- Миледи? С вами всё в порядке? – женщина с брошью подошла ко мне и осторожно поддержала под локоть. – Ванна готова, девушки помогут вам раздеться.

Я не стала отвечать и позволила увести себя за ширму, где меня мигом раздели в восемь рук – с такой ловкостью, которая указывала на то, что девушкам приходилось раздевать свою хозяйку очень часто.

В отличие от Алиноры, меня никогда не раздевали горничные, и я чувствовала себя неловко, особенно когда они сняли с меня нижнюю рубашку и белье.

- Если у вас нет распоряжений, я удаляюсь, миледи, - дама с брошью окинула цепким взглядом комнату, удовлетворенно кивнула и поклонилась мне.

Солнечный свет заиграл на зеленых камнях броши, и я не смогла промолчать.

- Очень красивая брошь, - похвалила я. - Издали можно принять за настоящий плющ.

Мои слова произвели неожиданное впечатление. Девушки-служанки замерли, а бледная дама вдруг покраснела – неровно, пятнами, и опустила глаза.

- Благодарю, миледи, - сказала она бесстрастно, что так не вязалось с румянцем на её щеках. – Странно, что вы обрати-

ли внимание на моё скромное украшение.

Я сглупила, стопроцентно сглупила! Алинора вряд ли восхищалась нарядами прислуги.

- Эту брошку мне подарил отец, - продолжала дама, по прежнему не поднимая глаз, - но эти жалкие изумруды не идут ни в какое сравнение с изумрудами Левенштайлей. Наверное, ваша светлость шутит надо мной.

По её тону было понятно, что шутки она не оценила, и теперь уже я покраснела – и от своей ошибки, и от того, что эта чопорная дама будто ткнула меня носом.

- Завтрак подадут, когда вы будете готовы, миледи, - дама с брошью ещё раз поклонилась и вышла.

Я услышала, как она сказала что-то, уже находясь в коридоре, а потом послышался взволнованный голос Диаманта.

Очень плохо!

Погружаясь в ванну, я готова была нырнуть с головой, чтобы не видеть, как служанки обменивались недоумевающими взглядами, когда думали, что я ничего не вижу.

Экзамен был провален с первой минуты. И зря я сказала о потере памяти брату генерала...

В дверь постучали, одна из девушек пошла открывать, и я снова услышала, как что-то быстро и взволнованно говорит Диамант. Мне стало неудобно даже в теплой воде, но в следующую секунду ещё четыре служанки внесли платье из нежно-голубого шелка.

- Дорогая Алинора! – позвал от дверей брат генерала. –

Я взял на себя смелость подобрать для вас платье. Надеюсь, не ошибся?

Я с облегчением перевела дух и ответила как можно бодрее:

- Нет-нет, всё чудесно. Платье мне очень нравится, я надену его.

Служанки опять переглянулись, но было похоже, что слуги в этом доме вопросов не задавали.

Около часа понадобилось, чтобы высушить мне волосы, уложить их в простую прическу, надеть платье, выбранное младшим Левенштайлем.

Я подошла к огромному – в рост человека – зеркалу и увидела в нем не себя, а Алинору. Удивительно, как мы похожи... Эта колдунья хотела оживить свою тень...

Быстро отвернувшись, я запретила себе думать о том, что могу быть не Алиной Комаровой, а всего лишь тенью какой-то ведьмы из мира фантазий. Мне надо приложить все усилия, чтобы выбраться отсюда... Вернуться к своей привычной жизни, к своим картинам...

- Почему такое унылое личико? – встретил меня в коридоре Диамант. – Ну же, Алинора, невозможно, чтобы такая красивая женщина грустила! Я себе этого не прощу!

«Но веселить меня – не твоя обязанность, - ответила я ему мысленно, пока пыталась изобразить улыбку. – У меня... то есть у Алиноры есть муж. Вот пусть он и старается развеселить».

- Может, пригласить доктора? – спросил Диамант, понизив голос. – Как вы себя чувствуете?

- Не надо доктора, нет, - торопливо отказалась я. – С моим здоровьем всё в порядке, но вот с памятью...

- Я помогу вам, - с готовностью сказал он. – Но сначала давайте определимся, что вы помните.

- Совсем ничего, - я растерянно развела руками.

Мы стояли в коридоре одни, но мне вдруг почудилось какое-то движение у стены. Я резко обернулась и... никого не увидела.

- Что такое? – встревожился младший Левенштайль.

- Не знаю... показалось...

- Главное – не нервничайте, - Диамант осторожно взял меня за руку, будто боялся, что я сейчас начну кричать и убегу, - я буду рассказывать вам о вашей прежней жизни, так вы быстрее всё вспомните.

- Вы очень добры... - прошептала я, высвобождая пальцы из его ладони.

Кто знает, какие отношения между братьями, но вдруг милорд Ксандр слишком ревнив, чтобы расценить всё как дружеское рукопожатие?

- Ксандр уже в столовой, - говорил тем временем Диамант, ничуть не обиженный, что я убрала руку, - но я взял на себя смелость сказать от вашего имени, чтобы завтрак подали вам в спальную комнату.

- Отлично, - я с облегчением выдохнула.

Меньше всего сейчас мне хотелось сидеть в компании мужа за столом, боясь разоблачения. Или... сумасшедшего дома.

- Тогда позавтракаем, а потом я проведу вас по дому – покажу, что и где находится, - Диамант улыбнулся, и улыбка у него была под стать имени – искрящаяся, светлая.

Я улыбнулась в ответ, и в этот раз с улыбками у меня получилось гораздо лучше. Всё-таки, неплохо было бы заручиться чьей-нибудь поддержкой. Возможно, потом я смогу рассказать этому парню, что приключилось со мной по воле его «дорогой невестки». Но это потом... Сейчас я предпочитала помалкивать.

Завтрак был невероятно изысканным. Мне подали больше десяти блюд – одно роскошнее другого. Дома я всегда завтракала либо кашей с вареным яйцом и ломтиком лосося, либо творогом с фруктами, а здесь обнаружили и ломтики соленого лосося, и яйца-пашот, и свежее выпеченные булочки с румяной, хрустящей корочкой. К булочкам полагалось сливочное масло – желтое и ноздреватое, как сыр, четыре вида варенья в хрустальных розетках, паштеты из мяса и рыбы, различные соусы, ломтики апельсинов и лимонов, посыпанные сахарной пудрой, леденцовые конфеты и пастила, мармелад и яблочный зефир.

Трудно было удержаться, чтобы не запихнуть всё это в рот разом. «Гостеприимство» Алиноры я помнила до сих пор и теперь уплетала вкусности прозапас. Кто знает, не взбредет

ли этим эгоистичным и жестоким людям снова посадит меня в подвал без еды и воды.

Впрочем, Диамант не казался жестоким и эгоистичным. Когда с завтраком было покончено, он повел меня по дому, показывая, что где находится, и рассказывая об обитателях.

Сам дом назывался неоригинально – Замок Левенштайля.

- Когда-то он считался самым большим замком в королевстве, - с гордостью говорил Диамант, пока мы поднимались на третий этаж по винтовой лестнице. – Но с тех пор, как его величество соорудил Замок Роз, первенство перешло к нему.

- Здесь можно заблудиться, - заметила я.

- Привыкните, - добродушно сказал мой провожатый и гид в одном лице. – После свадьбы вы быстро тут освоились, так что со временем всё вспомните.

Мы поднялись ещё на пару ступенек, и я остановилась, увидев на стене огромную картину – портрет, скупо освещенный двумя настенными светильниками.

Портрет изображал хозяина замка – Ксандра Левенштайля, закованного в латы с головы до ног. В руке он держал меч, а ногой попирал голову какого-то несчастного, которого, видимо, только что прикончил.

Странно, что такую прекрасную картину повесили там, где её было видно хуже всего. С такого близкого расстояния приходилось задирать голову, чтобы посмотреть герцогу в лицо.

- Карл Левенштайль... - произнес Диамант, тоже глядя на картину.

- Кто? – переспросила я, решив, что опять позабыла имя своего мужа. Вернее – мужа Алиноры.

- Это наш дед, - пояснил Диамант, - Карл Левенштайль, младший брат короля Ромуальда. Именно при нем был построен этот замок, и именно благодаря этому грозному господину, которого вы видите, - он указал на портрет и поклонился, дурачась, - мой брат был проклят с самого рождения и получил прозвище Повелителя смерти.

- Дед? Проклят? – повторила я совсем детским голоском, не в силах оторваться от этой картины.

Художник из прошлого словно угадал мои мысли, поставив натурщика в три четверти оборота, чтобы черты лица приобрели каменную твердость. Особенно удалось передать жестокость и холодность взгляда, но если бы я решилась написать портрет Левенштайля, я бы выбрала что-то поинтереснее металлических доспехов.

- Вы и это забыли? – невесело усмехнулся Диамант. – Наш дед был не самого кроткого нрава, как можно догадаться. К тому же, он был братом короля – младшим и любимым, и ему многое сходило с рук. Однажды господину Карлу попала на глаза хорошенькая девица, и он, не долго церемонясь, похитил ее, провел с ней ночь, а вот жениться отказался. Девица была опозорена, чуть не наложила на себя руки, и хотя ее отец требовал наказания для герцога, король пред-

почел замять дело. Всё представили так, будто девица сама обольстила герцога, и её вместе с отцом изгнали.

- Какая несправедливость, - прошептала я, больше потрясенная жестокостью во взгляде нарисованного герцога, чем рассказом, - так поступить с несчастной девушкой...

Всё же слушать подобные сказки из прошлого – это не так страшно. Все понимают, что половину придумали современники героев истории, половину додумали потомки, и получилась классическая страшилка.

- В конце концов, несчастным оказался сам герцог, - сказал Диамант. – Вернее – все герцоги Левенштайль. Если бы дед хоть немного пораскинул мозгами, то точно не стал бы насиловать дочь Мортимера Мистарика. Но его тогда все считали сумасшедшим алхимиком, неудачником, который пытался создать эликсир счастья. А оказалось, что чокнутый Мистарик был совсем неплохим колдуном, и его проклятье настигло нашу семью в этот же год, когда родился Ксандр. Ну или небеса решили, что Левенштайли уже переполнили чашу мирового терпения своими выходками.

- И что же случилось? – заинтересован спросила я, потому что рассказывать молодой человек умел очень увлекательно. Как будто надиктовывал аудиокнигу в стиле фэнтези.

- Уезжая из королевства, Мистарик проклял род Левенштайлей, сказав, что как герцог Карл причинил боль его дочери, так и ребенок из семьи Левенштайля причинит боль всем. Родился Ксандр – и оказалось, что его прикосновение

причиняет мучительную боль.

- Боль? – переспросила я. - Настоящую боль?

Диамант сочувственно покосился на меня и кивнул:

- Да, самую настоящую. Как будто прикасаешься к открытому огню. Никто из няnek не хотел заниматься новорожденным, отец подумывал убить проклятого сына, но мать Ксандра его отстояла. Она сама нянчила его, купала, пеленала, хотя он, по неведению, часто причинял ей боль. Леди Левенштайль умерла, когда Ксандру исполнилось восемь. Говорили, что это он убил её – обнял, прибежав с прогулки, и леди Левенштайль не выдержала его прикосновения.

- Ужасно, - теперь я смотрела на Диаманта, пытаюсь понять, что в этом рассказе – правда. – Но ведь это не так? Ксандр – не убийца?

- Хотел бы я сказать, что нет, - младший Левенштайль криво усмехнулся и повел меня дальше, по лестнице. – Но он с пятнадцати лет в действующей армии. Прошел все знаменитые битвы последнего десятилетия, защитил нынешнего короля, помог ему удержать трон... Вряд ли ему удалось стать генералом, ни разу не пролив кровь.

- Но родная мать!.. – запротестовала я и только тут меня осенило: - Вы сказали – мать Ксандра? Не ваша мать, а его мать? То есть, вы не брат Ксандру?

- Брат, - просто сказал он. – Единокровный. Видите ли, Алинора, наш отец по крутости нрава недалеко ушел от нашего деда. Моя мать была прачкой в этом замке, когда отец

решил обратить на неё внимание. Ксандру тогда было шестнадцать, он уже год как служил в королевской армии, и знать обо мне не знал. Ровно через полгода отец выгнал мою беременную мать, отослал ее в деревню, и там я осиротел и благополучно пас телят и отхватывал от деревенских тумаки по любому поводу, пока Ксандр не приехал за мной. Мне было десять, и я так испугался, что не мог даже говорить. Ксандр решил, что я либо немой, либо полоумный. Но кто бы на моем месте не испугался?

- Да уж, - тихонько поддакнула я, слушая в оба уха.

- Это уже потом я понял, что Ксандр без необходимости не казнит, да и он относился ко мне как к родному брату.

- Но получается, вы и есть родные братья!

- Я – незаконнорожденный, - сказал брат герцога, пожимая плечами. – В глазах аристократов я всегда буду на десять ступеней ниже. Да, Ксандр никогда не относился ко мне, как к низшему, но я же не слепой, я прекрасно вижу, что никогда не буду своим в его мире.

- По-моему, вы преувеличиваете, - пробормотала я.

- Ничуть, - возразил он. – Впрочем, и к моему брату относятся не лучше. Конечно, он – герцог, соратник и друг короля, но после проклятия Мистарика отношение к нашей семье сильно изменилось. Все побаиваются, и никто не любит колдунов и тех, кто пострадал от них. Но вы и сами это прекрасно знаете, Алинора.

- Я?! – от испуга я чуть не оступилась.

Неужели, брат генерала что-то разузнал о колдовстве Алиноры?! И что мне теперь прикажете делать? Как вести себя?..

- Вы ведь обманули моего брата, невестка, - сказал Диамант, глядя на меня сочувственно. – Убедили его, что не чувствуете боли от его прикосновений. Он был очень уязвлен, мой брат. Уязвлен, обижен, оскорблен.

- Но я... - залепетала я, лихорадочно пытаюсь придумать оправдание, хотя оправдываться мне было не в чем.

- Первую брачную ночь вы блистательно провалили, - закончил Диамант, понурившись. – Простите, но эти подробности известны всем в этом замке.

- Ваш брат... причинил мне боль? – спросила я с замиранием сердца.

Неужели в этой семье – три поколения насильников? И что делать мне, если герцог потребует исполнения супружеского долга?

- Ну... - замялся Диамант, - скорее это вы причинили ему боль. Вы ударили его ножом, обозвали чудовищем, наговорили кучу грубостей, заперлись у себя в комнате и отказались выходить. Через неделю Ксандр отправил вас в ссылку, в загородный дом. Мало похоже на семейную идиллию, верно? Но теперь сам величество вмешался в дела нашей семьи, и вам придется стать настоящей герцогиней, Алинора. Хозяйкой этого замка.

Хозяйкой замка? Настоящей герцогиней?

Я отшатнулась от Даманта, налетев на перила, и сказала дрожащим голосом:

- Нет, вы меня не заставите!..

Глава 5. Стать тенью герцогини

- Его величество хочет видеть вас с братом, - говорил Диамант, вышагивая передо мной туда-сюда по комнате, пока я пыталась освоить сложнейшую науку на свете – вышивание. – И он хочет видеть вас счастливыми, довольными своей семейной жизнью. Ведь его величество Георг очень поспособствовал свадьбе. На одно только торжество при дворе было потрачено десять тысяч солидов.

- Большая сумма? – спросила я, не поднимая головы от пяльцев.

- Очень, - серьезно ответил брат герцога. – Поэтому мы должны показать королю то, что он желает видеть.

- Но ведь это будет обманом? – я отложила вышивку и с тревогой посмотрела на Диаманта. – Разве можно всё время притворяться?

- Дорогая невестка! – он пылко бросился перед моим креслом на колени и взял мои руки в свои. – Я уверен, что вы поладите с Ксандром. Этот угрюмец не такой плохой человек, как о нем говорят. Ведь он был так влюблен в вас... и сейчас влюблен, можете мне поверить.

- С чего это вы решили? – я сделала вид, что хочу продолжить вышивку, и Диамант отпустил меня, поднявшись на ноги. – Милорд герцог домой уже два дня почти не показывается. А когда показывается, разговаривает со мной сквозь

зубы.

- Так заставьте его измениться, - молодой человек пристально посмотрел на меня. – Если вы так хотели стать его женой, то попробуйте захотеть, чтобы он стал вашим мужем.

Эти разговоры казались мне опасными. Потому что теперь, когда родовые тайны Левенштайлей немного приоткрылись, я понимала, что происходит в этой семье. И понимала, как получилось, что молодая супруга оказалась в изгнании, а потом предпочла сбежать. И чем больше понимала, тем больше... сочувствовала Левенштайлям, а не Алиноре.

Красивая аферистка очаровала герцога, мечтая стать герцогиней, а потом выяснилось, что терпеть проклятье огненных прикосновений она не может и не желает. И что делает наша красавица? Исчезает, как ветер, и подсовывает мужу меня, думая, что колдовством оживила свою тень.

Но я – не тень. Я – человек. Живой, настоящий человек, пусть и не чувствующий боли. А меня выдернули из моей жизни, заставили поселиться среди чужих людей, в незнакомом мире, где всё так непривычно... Я вздохнула, посмотрев в окно. Отсюда был виден краешек парка, где листва деревьев уже начала желтеть.

- Постарайтесь хотя бы не слишком гримасничать, когда брат возьмет вас за руку, - смущенно произнес Диамант, и я оторвалась от наблюдения за парковым пейзажем. – Не знаю, что и придумать... Попробуем перчатки... Но король обязательно заметит...

- Не волнуйтесь, я постараюсь, - сказала я почти равнодушно, опять переводя взгляд за окно.

Если дожждаться, когда солнце будет светить точно сверху, чтобы желтые листья засверкали, как золотые, получилась бы отличная картина...

- Если вы обещаете терпеть моего брата, - продолжал Диамант, запинаясь на каждом слове, - я... я... я выполню любое ваше желание, Алинора. Слышите? Любое.

Дверь в гостиную, где мы располагались, бесшумно открылась и появилась экономка – та самая дама с изумрудной брошью в виде плюща. Теперь я знала, что даму зовут Линда Левенштайль, и что она – вдова, дальняя родственница, которую герцог приютил из милости и назначил ежегодное содержание.

- Булочки, чай, - сказала она чопорно, поставив поднос с чашками и блюдами на столик. – Уже пять часов, миледи. Пора пить чай.

- Не стоит изменять вашей излюбленной привычке, - тут же подхватил Диамант и подмигнул мне.

Только что я собиралась ответить, что не хочу есть и пить, но своей подсказкой брат герцога не дал мне совершить очередную ошибку.

- Благодарю, Линда, - сказала я как можно холоднее. – Не забудьте мармелад, пожалуйста.

- Обязательно, миледи, - экономка окинула меня неодобрительным взглядом и удалилась – прямая и тонкая, в чер-

ном платье, похожая на обугленную жердь.

- Она меня недолюбливает, - пожаловалась я Диаманту.

- Я вас умоляю! – отозвался он. – А кого она любит, наша Линда? Я бы законодательно запретил употребление слова «любовь» в одной фразе с её именем!

- Вы очень категоричны, - засмеялась я, потому что он был забавен.

Забавен, остроумен, приятен в общении. Беседовать с ним было одно удовольствие. Интересно, что было бы, если бы два брата – старший и младший – поменялись местами? Сбежала бы тогда Алинора от мужа? Решилась ли подсунуть ему своего двойника?

- Почему вы так на меня смотрите? – мягко спросил Диамант, и я очнулась, сообразив, что тарашусь на младшего Левенштайля самым неприличным образом.

Но смущаться перед этим сияющим молодостью Малышом в мои планы не входило.

- Да вот обдумываю ваше обещание, - сказала я медленно, продолжая разглядывать его.

- Какое обещание?

- Вы уже и позабыли? Вы обещали исполнить любое мое желание, если я соглашусь терпеть вашего брата.

- И что же вы хотите пожелать? – Диамант заметно напрягся, хотя и пытался это скрыть.

- Вы могли бы раздобыть для меня краски, льняное масло и холсты? – спросила я, взяв хрустящую булочку и откусив

кусочек..

- Что, простите? – теперь настала очередь Даманта смотреть на меня во все глаза.

- Краски, масло, кисти, холсты, - перечислила я, загибая пальцы. – Отсюда на парк открывается великолепный вид. Я хочу написать его при солнечном свете. Вы позволите мне такую маленькую слабость?

Несколько секунд мужчина хлопал ресницами, а потом усмехнулся, потирая подбородок.

- Теперь я понимаю, какими чарами вы заполучили моего братца, Алинора, - произнес брат генерала, весело сверкнув глазами. – Вы умеете удивить. Хотите попробовать написать картину маслом? А почему бы и нет? Кто сказал, что быть художником – это только мужская привилегия? Я сегодня же закажу для вас всё необходимое, а вы... - он бросил на меня пристальный взгляд, - а вы пообещайте, что будете добрее к моему бедному брату.

- Обещаю, - сказала я, а про себя подумала, что троюродного брата короля, герцога, генерала и Повелителя смерти трудно назвать бедным человеком.

Теперь мне предстояло кое-что потруднее, чем выдержать компанию Ксандра Левенштайля. Я должна была убедить всех, что я – та самая Алинора Агартье, которая вышла замуж за генерала Левенштайля. По словам Даманта выходило, что семья Алиноры была не слишком богатой, зато знатной и амбициозной. Она была не слишком образована, но

умела преподнести себя, блеснуть манерами, восхитительно танцевала. Собственно, так она и очаровала герцога - играла пастушку на благотворительном спектакле в честь дня рождения королевы. Попасть ко двору короля она не могла из-за отсутствия средств, а вот заниматься благотворительностью, да ещё во имя королевской семьи - это так достойно и благородно.

И я должна была за пару недель перенять её умения, манеры, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что герцогиня – та самая, а не её жалкая тень.

Впрочем, Диамант не заметил подмены, а Ксандр и вовсе ничего не замечал, потому что в наши редкие встречи старался держаться от меня на расстоянии, для верности даже убирая руки за спину, и смотрел только мимо, предпочитая разговаривать сквозь зубы.

Но меня это устраивало. Мне совсем не хотелось, чтобы Левенштайл-старший захотел бы уединиться со мной в спальне. Каждый раз на ночь я запиралась изнутри, чтобы точно избежать компании мужа. Но ко мне никто не приходил, и я прекрасно спала одна – в широкой постели, на мягкой перине, под шелковым одеялом.

Через несколько дней Диамант, верный обещанию, привез всё, что нужно было для занятий живописью. Поговорив с экономкой, я оборудовала под мастерскую крохотную комнату под самой крышей. Здесь даже не было стекол в окне, и это очень меня устраивало, потому что выветривался запах

от грунтованных холстов и минеральных красок.

Я с удовольствием принялась за любимое дело, и это было интереснее и гораздо легче, чем вышивать шелком и бисером, пусть мне сейчас пришлось пользоваться не готовыми масляными красками, а растирать минералы, добавлять по каплям льняное масло, смешивать, грунтовать...

Экономка пару раз заглядывала в мою каморку – приносила мне чай, и всякий раз оглядывалась с таким недовольным видом, будто это она была хозяйкой замка, а я беззастенчиво обкрадывала её.

Для работы я приспособила передник, позаимствованный у прислуги, чтобы не запачкать платье, подвязала волосы косынкой и всё свободное время, пока мы с Диамантом не изучали придворный этикет, танцы и премудрости пользования столовыми приборами, пропадала в своей каморке.

Делая подмалевок будущей картины, мне показалось, что я перенеслась в свой мир и работаю в своей мастерской, как раньше... как прежде...

Солнце золотило кроны деревьев, и на моем холсте появлялись бледно-желтые пятна, обозначая свет, заливающий дубы, растущие вдоль аллеи. Я так увлеклась, что не услышала шагов на лестнице. Дверь в мою мастерскую распахнулась, я испуганно обернулась и всхлипнула, увидев на пороге Ксандра Левенштайля.

Герцог оперся ладонями о косяки, заполнив собой весь дверной проем, и исподлобья оглядывал комнату. Черные

глаза блеснули из-под прямых бровей, и муж Алиноры спросил, как обычно цедя слова сквозь зубы:

- Ты что тут устроила?

- Вам не нравится? – спросила я осторожно. – Но я здесь никому не помешаю...

Я замолчала, потому что Ксандр Левенштайль шагнул в комнату и медленно прошелся туда-сюда, разглядывая холсты, коробочки с красками-порошками и с растертыми красками с такой подозрительностью, словно я занималась не живописью, а алхимией.

Он остановился возле неоконченной картины и долго и внимательно её изучал, а потом отстранился и хмыкнул:

- Наверное, ты и правда ударилась головой слишком сильно. Но если тебе по душе переводить краску на эти пятна, то я не против.

- Это не пятна, - обиделась я. – Это – подмалёвок. Основа будущей картины.

- Хм... - раздалось в ответ нечто явно недоверчивое.

- Во всем нужен особый порядок, - продолжала я, стараясь говорить спокойно. – Вы ведь не бросаете войска на противника без разведки? Сначала вы отправляете шпионов, чтобы узнать общую картину...

Вот теперь я удостоилась внимательного взгляда. Левенштайль даже брови приподнял удивленно, будто я была дурочкой, внезапно сморозившей что-то почти умное.

Он повернул ко мне голову, и свет лег именно так, как я

размышляла, когда ехала с мужем в карете. Ракурс был удачным, а освещение – ещё удачнее, и я воскликнула, даже подпрыгнув на месте:

- Не шевелитесь! Прошу вас, не шевелитесь!

- В чем дело?.. – начал Левенштайль, но я шикнула на него и заметалась по комнате, отыскивая новый холст и торопливо смешивая краски.

Больше всего я боялась упустить удачный момент, поэтому принялась наносить краску быстро, широкими мазками, стараясь ухватить скульптурность этого мужского лица.

- Ты спятила? – спросил генерал и переступил с ноги на ногу, сразу же сбившись с позы.

- Ну что вы натворили?! – я бросилась к нему, схватила за подбородок и заставила снова повернуть голову под нужным градусом. Генерал вздрогнул, но не произнес ни слова. – Пойдите так хотя бы десять минут, умоляю, - я и правда молитвенно сложила руки, потому что сейчас мне ничего так не хотелось, как написать этот мужской портрет.

Мне всегда было интереснее писать именно портреты, а не природу, натюрморты или что-то другое, что было модно и современно. Последним трендом среди заказчиков были портреты их домашних питомцев в военных мундирах разных эпох. Ну скажите, кому могут быть интересны портреты тойтерьеров, пудельков и мопсиков в эполетах или погонах? Несусветная глупость, но в последний год я написала около пятидесяти подобных картин и неплохо на них заработала.

Только это был именно заработок. А душа просила иного. И вот теперь моя душа просто зарыдала – так ей хотелось именно *этот* портрет.

Наверное, мой порыв передался и генералу, потому что он замер, как статуя.

Я смешала охру с кармином, добавила немного белил, добиваясь нужного оттенка кожи, наметила темной охрой надбровные дуги, обозначила охрой с примесью сажи радужки глаз, а генерал всё стоял, не шевелясь, и лишь ресницы опускались и поднимались – да и то редко.

- Дышать можно, - разрешила я и не смогла удержать улыбки, потому что натурщик был бесподобен, и краска ложилась на холст словно сама собой.

Я просила десять минут, но прошло дольше – около получаса. За это время я успела закончить набросок и удивилась сама себе – так легко и быстро мне никогда раньше не работалось.

- Можете передохнуть, милорд, - я вытерла кисти, положила их на стол, а когда обернулась к картине, обнаружила, что мой муж уже стоит рядом с ней и рассматривает изображение почти с ужасом. – Похоже? – спросила я, напоминая себе, что мужчина рядом со мной – не мой муж.

Он – муж Алиноры. И об этом нельзя забывать.

- Вам нравится? – повторила я.

Напрасно я ждала ответа. Ксандр Левенштайль как-то странно мотнул головой, промычал в ответ что-то непонят-

ное, а потом вышел из комнаты. И вышел так быстро, что это больше походило на бегство.

Мне оставалось только пожать плечами, когда боевой генерал удрал, как заяц. Я была слишком увлечена работой, чтобы обращать внимание на странности в поведении мужа Алиноры. Не запретил рисовать – и то хорошо. Со слов Диаманта я знала, что в этом мире благородным женщинам полагалось вышивать, музицировать и – в лучшем случае – немного баловаться акварелью. Но акварель – это скучно. То ли дело – масло!..

Набросок генеральского парка был позабыт, а я до самых сумерек колдовала над портретом, доводя его до совершенства, и ловя себя на мысли, что чаще думаю об оригинале, чем о картине.

Может, генералу не понравилось, что его жена оставила вышивание? Впрочем, он ничего подобного не сказал. Да и портрет... почему бы Левенштайлю могла не понравиться моя работа? Если написать большую картину – вроде той, что висит в холле, это может быть началом семейной портретной галереи. Несмотря на то, что ситуация была совсем не смешная, я не удержалась и хихикнула – будет забавно, если когда я вернусь, обнаружу свою картину где-нибудь в музее под ярлыком «Неизвестный художник, портрет неизвестного».

Хотя... я оторвалась от картины и посмотрела в окно. Туман наполнил, пушистыми белыми лапами подкрадываясь к

замку, и от этого становилось немного жутко. В моём мире не было места магии, а здесь... Какие-то проклятья, вызовы теней... Вряд ли мой мир мог быть продолжением этого мира...

Я почувствовала движение воздуха – будто потянуло сквозняком. Но не от окна, а от двери. Резко оглянувшись, я успела заметить, как дверь бесшумно закрылась.

Кто-то подглядывал за мной? Ксандр?..

Подойдя к порогу, я осторожно выглянула, ожидая увидеть генерала в коридоре, но там было пусто.

Неужели, показалось?

Подрамник, который я соорудила из стула, с грохотом опрокинулся, незаконченный портрет герцога упал лицевой стороной на пол, и я побежала спасать свой труд.

Масло немного размазалось, но это можно исправить. И найти более устойчивый подрамник, чтобы в другой раз не испортить работу.

- Невестка! Пора ужинать! – послышался голос Диаманта, и я торопливо поставила портрет, повернув его к стене. Почему-то мне не хотелось, чтобы младший брат моего мужа увидел эту картину.

- Иду, иду, - отозвалась я, вытирая кисти и закрывая баночки с красками.

Повесив передник, который теперь был весь в разноцветных разводах, я ополоснула руки и поспешила навстречу деверю, который уже заглядывал в мастерскую.

- Ужин ждёт, Алинора, - позвал он. – Вы опять поссорились с моим братом?

- Совсем нет, - возразила я. – Он заходил в мастерскую...

- Он не был против ваших художеств? – с беспокойством спросил Диамант, подавая мне руку, чтобы помочь спуститься по лестнице, и сразу же читая лекцию о манерах, достойных герцогини. – Приподнимайте юбку, дорогая, чтобы не наступить на подол и не упасть. И старайтесь смотреть не под ноги, а прямо.

- Но так можно упасть...

- Зато так женщина выглядит красиво. Так что, мой брат не был против?

- Нет – я постаралась спускаться по ступеням так, как было «красиво». – Сказал, что я могу переводить краску, если мне это нравится.

- Переводить! – возмутился Диамант. – Разве можно быть таким нелюбезным с дамой? С собственной женой? В этом весь мой брат!

- Мы немного поговорили...

- О чём? – тут же последовал новый вопрос.

- Да так, - уклонилась я от ответа, - о всякой чепухе. Мы говорили о... о войне.

- Вот как? Очень интересно, - пробормотал Диамант, словно сам с собой. – Не припомню, чтобы мой брат беседовал с дамами на такую тему.

Вроде бы, в том, что герцог позировал мне, не было ниче-

го особенного, и скрывать это не было необходимости, но... я не смогла рассказать о позировании Диаманту. Потому что это не касалось его. Это касалось... да, нас двоих – меня и герцога. Я вспомнила, как Ксандр вздрогнул, когда я попросила его не двигаться. Необычная просьба... Которая прозвучала, скорее, как приказ. Мужчине, который привык командовать, трудно подчиняться приказам...

- Вы сказали, милорд ушёл? – спросила я у младшего Левенштайля.

- Я бы даже сказал – сбежал, - невесело пошутил он. – Выскочил из дома, будто за ним гнались три вражеских отряда. Почему я и подумал, что вы опять не ладили. Будьте с ним нежнее, невестка, очень вас прошу...

- Скажите, как власти относятся к колдунам? – перевела я разговор на другую тему, потому что не хотела обсуждать мои нежности с мужем Алиноры. Я всё время забывала, что Ксандр Левенштайль – не мой муж, а я – всего лишь женщина, похожая на его жену, и у меня совсем другие цели, чем проявлять нежность к постороннему мужчине. – Простите, если мой вопрос кажется вам глупым, - тут же извинилась я перед Диамантом, - но я, правда, ничего не помню. Это – реальность или детские сказки?

- Боюсь, история с моим братом показывает, что это – печальная реальность, - сказал Диамант, когда мы уже уселись за накрытый стол.

Уютно потрескивали дрова в камине, от напитка, разли-

того по бокалам, пахло корицей и мёдом, и только тут я поняла, как проголодалась.

На закуску подали яйца-пашот с желтым соусом, омлет с пряными травами, политый растопленным сливочным маслом, несладкие вафли с паштетом, кусочки жареной рыбы с запеченными овощами и тонкие ломтики жареного мяса на тостах. Глаза разбегались – хотелось попробовать всего и сразу. Я уже знала, что поварихе особенно удавались вафли, и нацелилась на них, но слова Диаманта отвлекли меня от еды.

- То есть, вы верите, что магия – реальна? – спросила я.

- Как можно сомневаться в этом? – пожал плечами младший брат герцога. – Конечно, после того, как пострадал Ксандр, несанкционированное колдовство стало преследоваться под страхом смерти, но от него все равно не избавиться – оно повсюду.

- Вы тоже умеете колдовать? – перешла я на шёпот.

Если эта тема так опасна, то лучше не говорить о колдовстве громко.

- Совершенно не умею, – Диамант распахнул светлые глаза. – Да и не понимаю, для чего это нужно? Чтобы вредить ни в чем не повинным людям? Если бы тогдашний король не казнил Мистарика, я прикончил бы его сам. За то, что он сделал с моим братом.

- Но... - начала я, и в это время тяжелая рука легла мне на плечо.

- Говорите обо мне? – прозвучал над моей головой голос Ксандра Левенштайля. – Очень интересно, продолжайте. С удовольствием послушаю, - он наклонился и поцеловал меня в щёку, а потом придвинул стул и сел рядом со мной, глядя мне в лицо. – Ну что же ты сразу замолчала? Продолжай, Алинора.

Мы с Диамантом невольно переглянулись, и он еле заметно кивнул. Я не совсем поняла, что это означает, но вряд ли это было предостережением, что говорить на данную тему нельзя.

- Мы говорили о проклятье Левенштайлей, - сказала я, стараясь говорить как можно приветливей. – И о колдунах, милорд. Вашу персону никто не обсуждал, мы бы не осмелились...

- Куда ты уходил, братец? – спросил Диамант, перетягивая внимание на себя. – Закуски уже почти съедены. Жаль, что ты опоздал.

- Зато успел к главному блюду, - сказал генерал с необыкновенно любезной улыбкой, продолжая смотреть на меня.

Мне стало неуютно под этим взглядом и я сделала вид, что очень увлечена разрезанием омлета.

- Не распили тарелку надвое, Алинора, - посоветовал генерал и продолжал, подкладывая себе закуски и тосты: - Завтра приезжает король со свитой.

- Что?! – ахнул Диамант и вскочил.

- Что ты так переполошился? – генерал наполнил свой бо-

кал. – Его величество ещё не стоит на пороге, не бойся. Приедут всего лишь человек пятьдесят. Его величество сказал, что визит неофициальный, поэтому он не хочет слишком нас обременять.

- Пятьдесят человек завтра? – с ужасом переспросил Диамант. – Его величество верен себе! Надо немедленно сообщить Линде...

- Пятьдесят человек свиты, - невозмутимо продолжал генерал, отправляя в рот кусочек вафли с паштетом. – Не забывай, что с каждым из пятидесяти приедет, минимум, трое слуг. Добавь сюда лошадей, мулов, охрану...

- Сейчас же распоряжусь, чтобы начали уборку в гостевых комнатах, - Диамант позабыл про ужин. – И перевели лошадей в городскую конюшню... Нам нужно будет освободить много места... Так, а сколько дней его величество намерен гостить у нас?

- Неделю, не меньше, - Ксандр Левенштайль сделал глоток и посмотрел на меня поверх бокала. – Собирается мирить меня с женой.

Я вздрогнула и чуть не уронила вилку, испуганно взглянув сначала на Диаманта, а потом на мужа. Но то, что я услышала потом, было ещё страшнее приезда короля.

- Поэтому, - генерал положил себе на тарелку порцию омлета, - с завтрашнего дня, Алинора, ты – примерная и любящая жена, и мы спим в одной комнате. Ведь именно так поступают любящие супруги?

- Пожалуй, я уже сыт, - Диамант быстро промокнул губы салфеткой. – Разрешите пожелать вам доброй ночи и...

Он собирался уйти и оставить меня наедине с мужем. Я готова была рвануть вон вместе с младшим Левенштайлем, но тут появилась экономка в сопровождении служанки. Служанка несла огромную супницу, полную ароматного куриного бульона с пряными травами, и блюдо с пирожками – маленькими и зажаристыми, которые так и просились в рот.

Диамант, уже вставший со стула, замер, как провинившийся пацан.

- Уже уходите? – спросила экономка. – Но только принесли суп.

Когда она проходила мимо меня, брошь на её отложном воротнике вспыхнула зелёным огоньком, и точно так же вспыхнули глаза экономки, когда она мельком посмотрела на меня.

- Сегодня я распорядилась приготовить заварные пирожки вместо гренок, - сказала экономка, делая знак служанке поставить супницу и блюдо с пирожками. – Ваша светлость нездоровы, и вам надо питаться сытно и легко, чтобы восстановить силы. А гренки слишком тяжелы...

Сразу были позабыты новости о приезде короля, а у меня напрочь вылетело из головы, что нам предстоит спать вместе с генералом.

- Вы нездоровы? – спросила я у герцога, перебив экономку.

- Ты нездоров? – одновременно со мной спросил Диамант.

Вместо ответа старший Левенштайль откинулся на спинку кресла, гипнотизируя супницу.

- Конечно, нездоров, - объявила экономка, вытягиваясь в струнку. – Его светлость ранен, и сейчас у него лихорадка, потому что рана воспалилась.

- Ранен?! – Диамант передумал уходить. – Что значит – ранен? Как это – ранен? Ксандр! Да отвечай же!

Я смотрела на генерала, не отрываясь. И как я не заметила, что он осунулся? И что глаза у него блестят слишком ярко, но под ними залегли сиреневые тени. И губы не такие яркие, как были в день нашей первой встречи. Тоже мне – художница!..

- Вы ранены? – тихо спросила я, и каким-то образом генерал услышал меня, хотя Диамант громким голосом требовал правды, обращаясь то к экономке, то к брату.

- Всё не так страшно, - проворчал старший Левенштайль. – Линда преувеличивает. Всего лишь царапина. И никакой лихорадки. Триш меня перевязал.

- Ну конечно! – ещё сильнее зашумел Диамант. – Триш ведь у нас – врач от Бога! Я с ним ещё поговорю!

- Уверен, что твоя встреча с Богом рано или поздно состоится, - хмыкнул Ксандр.

- Ещё и шутишь? – Диамант всплеснул руками. – Но Тришу не поздоровится. Знал – и ничего мне не сообщил!

Я уже знала, что Саймон Триш был кучером в замке. Тот

самый человек, который правил лошадьми, когда мы с мужем ехали из поместья домой.

- Когда вы были ранены? – спросила я. – Той... ночью?

- Давайте уже есть, - с раздражением произнёс старший Левенштайль. – Сколько шума на пустом месте.

- На пустом? Вот уж вряд ли! – рассвирепел Диамант. – Я сейчас же еду за доктором!

Он вылетел из комнаты пулей, и Ксандр досадливо поморщился.

- Пойду распоряжусь второе блюдо, - сказала экономка и посмотрела на меня с таким осуждением, будто это я ранила её хозяйина.

Она вышла в сопровождении служанки, и мы с Ксандром Левенштайлем остались одни.

- Вас ранили во время нападения? – повторила я тихо. – Почему вы не сказали мне?

- Разливайте уже суп, - угрюмо посоветовал мне Левенштайль. – Иначе я подумаю, что вы всерьёз решили стать примерной женой.

- Разве вы не этого хотели? – напомнила я, поднимаясь из-за стола, чтобы взять серебряную поварёшку, которая лежала на подносе рядом с супницей.

- Тебе напомнить, чего я по-настоящему хотел? – спросил он, резко поднимая голову.

Тёмные глаза сверкнули из-под непослушной пряди, и я всё-таки уронила поварёшку – прямо на серебряный поднос.

Звон был оглушительным. Или показался мне таковым. Замерев, с бешено бьющимся сердцем, я смотрела на герцога и чувствовала себя мышкой перед удавом.

Секунды шли – долгие, мучительные, а я всё молчала, а герцог всё так же смотрел на меня.

Мне надо спросить – чего он хотел?

Но хочу ли я услышать это?

Пока ничего не озвучено, нет необходимости отвечать.

Новый звон был ещё более оглушительным – Левенштайл швырнул вилку на стол, и она ударилась о край подноса. Я дёрнулась, потому что мне показалось, что вилка полетела в меня.

- Что-то есть расхотелось, - заявил генерал, резко поднимаясь из-за стола.

Он так сильно толкнул кресло, что оно опрокинулось – с грохотом, разумеется. Да ещё и задело напольный подсвечник, в котором хорошо ещё, что не было свечей. Генерал оглянулся, глядя на разгром, который учинил, и сказал после паузы:

– Пойду к себе. Никого не хочу видеть.

Я машинально подобрала поварешку и зачем-то прижала её к груди, будто она могла меня защитить.

Но он и не думал нападать на меня, и даже обошёл стороной, будто это я его пугала. Когда муж Алиноры вышел, я услышала голос экономки – она с беспокойством спрашивала, что случилось. Старший Левенштайл недовольно бурк-

нул в ответ, потом раздались его шаги - он уходил по коридору, а потом экономка заглянула в столовую.

Я так и стояла с поварешкой, кресло валялось рядом с опрокинутым подсвечником, а в целом – всё было в порядке.

- Что произошло, миледи? – спросила экономка, окидывая меня цепким взглядом. – Вы снова поссорились с милордом?

- Нет, - ответила я быстрее, чем сообразила, что говорю. – Просто кресло упало.

- Вот так и упало? – в светлых глазах мне почудилась насмешка, но экономка уже чинно вплыла в комнату, поставила кресло на место, и подняла подсвечник. – Милорду не понравился суп? – спросила она, увидев пустую тарелку.

- Нет, - опять ответила я, но сразу поправилась: - то есть, он даже не попробовал... Сказал, что не голоден.

- Не голоден, - негромко, будто самой себе сказала экономка, и громко добавила: - Я прикажу, чтобы милорду отнесли ужин наверх. Если он не желает ужинать... со всеми.

Сказано это было так, что я сразу поняла – дело во мне. Это со мной не желает ужинать Ксандр Левенштайль. Мне страшно захотелось оправдаться – что я ни при чем, что я не виновата в том, что герцог швыряется вилками и разбрасывает кресла...

- С вашего позволения, миледи, - экономка поклонилась и прошла мимо меня так же, как до этого – генерал.

Старательно держась подальше.

- Госпожа Линда, - окликнула я, когда она была уже возле порога.

- Да, миледи? – экономка обернулась с таким видом, будто делала мне одолжение.

Я собиралась сказать совсем другое, но как-то само собой произнеслось – на одном дыхании, без запинки:

- Милорд никого не хочет видеть. Я сама отнесу ему ужин и обработаю рану. Принесите всё необходимое.

Брови госпожи Линды удивленно приподнялись, но она благополучно справилась с удивлением и кивнула:

- Хорошо, я всё приготовлю, миледи. Но вы... - она смерила меня взглядом с головы до ног, - вы будьте поосторожнее. Не доводите милорда до швыряния мебелью. Прошу прощения, - она ещё раз поклонилась и ушла, замечая пол подолом чёрного платья.

Вроде бы – отлично вышколенная прислуга, придратся не к чему, но я чувствовала себя совсем не как хозяйка большого дома. Скорее как нежелательная гостья, от которой все хотят избавиться, но вежливость не позволяет прямо указать на дверь.

Меня называли герцогиней, миледи, госпожой, но относились как... как к тени. Молчаливой, бесполезной, с чьим присутствием приходится мириться только лишь по закону природы. Я хотела стать похожей на Алинору, чтобы не выдать себя, а стала... её тенью. Просто стала тенью.

Мне не пришлось долго ждать, и уже через пять минут

экономка вернулась в сопровождении очередной служанки с подносом, заставленным тарелками и корзину, в которой лежали бинты, какие-то бутылки, баночки и горшочки,

- Мери-Бет поможет вам донести поднос, - сказала госпожа Линда, передавая мне корзину. – Надеюсь, вы разбираетесь в лечении, миледи? Никому не хочется, чтобы вы навредили милорду.

Судя по её тону, она сильно сомневалась, что Алинора сможет что-то там обработать и перевязать. И я подумала, что слишком погорячилась, вызвавшись помогать герцогу. Но отступать было некуда, и я величественно кивнула служанке Мери-Бет, которая стояла рядом, опустив голову, держа на вытянутых руках поднос.

- Не беспокойтесь, дорогая Линда, я справлюсь, - сказала я.

Скорее всего, Алинора ответила бы именно так. И ещё уколола бы каким-нибудь обидным словечком. Пикироваться с экономкой я не собиралась, но решила показать, что именно я являюсь хозяйкой этого дома.

- Милорд сказал, - произнесла я многозначительно, - что завтра к нам прибудет важный гость. Необходимо подготовиться к его приезду. Проследите, чтобы было достаточно продуктов, и чтобы приготовили спальни. Ожидается человек пятьдесят, но на всякий случай приготовьтесь встречать в два раза больше...

- Прибудут сто тридцать четыре человека, миледи, - спо-

койно ответила мне экономка. – Милорд уже сказал мне, что приезжает король, и я отправила мальчишку, чтобы узнал, сколько человек будет в сопровождении.

Я сразу оценила этот ответ. Когда бы Ксандр Левенштайль успел сказать ей об этом? Явно не после того, как умчался, опрокинув кресло и швырнув вилку. Значит, сказал сразу после своего возвращения домой. Ещё до того, как сообщил брату и жене. Получается, экономка у него на особом счету. Доверенное лицо, да ещё и родственница... Ничего хорошего из войны между нами не выйдет. Скорее всего, я проиграю этой женщине в черном платье, которая держится со спокойствием и высокомерным достоинством, и всем своим видом показывает, что именно она – настоящая хозяйка этого замка. По крайней мере, в том, что касается ведения домашнего хозяйства.

Ругаться с ней было глупо, но я не сдержалась.

- Чудесно, Линда, - сказала я холодно, как могла бы говорить настоящая герцогиня. – Я очень ценю ваше желание угодить нашей семье. Проследите, чтобы приготовления к встрече короля были начаты сейчас же, и через два часа принесите примерное меню, я прочитаю и одобрю, если мне понравится.

Мне показалось, что светлые глаза экономки вспыхнули, но она уже опустила ресницы и ответила с чинным поклоном:

- Хорошо, миледи. Всё будет сделано. Рада, что вы оцени-

ли мои старания. Позвольте удалиться?

Несмотря на учтивый тон, мне почудилась насмешка в её словах.

- Да, удаляйтесь, - разрешила я, стараясь сделать такой же холодный и надменный вид.

Экономка ещё раз поклонилась и оставила нас со служанкой вдвоём.

- Мери-Бет? – спросила я после неловкого молчания.

- Да, миледи, - пискнула она, делая книксен.

- Пойдёмте, надо позаботиться о милорде, - я держала корзину с медикаментами и неловко мотнула головой, предлагая служанке идти первой.

Когда дошло до дела, вся моя решимость испарилась.

Ведь в мои планы входило попадаться на глаза мужу как можно реже. А сейчас предстояло зайти к нему в комнату, накормить бульоном с пирожками и обработать рану перекисью воды... чем у них там принято обрабатывать раны? Как не вовремя Диамант помчался за врачом! А может, врач успеет быстрее, чем герцог отужинает? И перевязывать его мне не понадобится?

Обо всём этом я думала, поднимаясь по лестнице за служанкой, которая ловко несла поднос, не расплескав ни капельки супа.

Наконец, мы остановились перед массивной дубовой дверью. Да, младший Левенштайль показывал мне её и говорил, что там – спальня моего мужа. По сути, там – общая спаль-

ня герцога и герцогини, но сразу после первой брачной ночи Алинора переехала в другую комнату, а потом и в другой дом...

Служанка остановилась, вопросительно глядя на меня.

- Заходим, - сказала я с вымученной улыбкой и толкнула дверь.

Толкнула, перешагнула через высокий порог, и только тогда сообразила, что прежде нужно было постучать.

Посреди комнаты, повернувшись спиной к зеркалу, стоял герцог Левенштайль – без камзола, без рубашки, и даже без штанов, лишь в нижних штанах, длиной до колен. Герцог рассматривал длинную и глубокую царапину, которая тянулась от левого плеча до лопатки, и это была не единственная рана на его теле.

Позабыв обо всём, я таращилась на его мускулистую спину, на широкую грудь, с которой до самого паха темной дорожкой сбегала поросль волос. Старший Левенштайль был сложен, как бог. Нечто подобное я видела только в Эрмитаже, на выставке античного искусства. Марс... Аполлон... нет, Зевс – бог-громовержец... Как ожившая статуя...

«Ожившая статуя» резко обернулся, и я очнулась, встретив взгляд герцога – темный, злой, из-под четко очерченных чёрных бровей.

- П-прошу прощения, - сказала я, заикаясь, - принесла вам ужин и... и вот, - я показала корзину с бинтами.

- Я же сказал – не беспокоить, - сквозь зубы процедил гер-

цог.

Где-то за моей спиной испуганно всхлипнула служанка.

Сбежать, пока не поздно? Просто сбежать. Ведь Алинора так и сделала – сбежала. Но у меня не было тени, которую можно было подсунуть вместо себя. Я и была этой тенью. Вернее, пыталась ею стать.

- Вас надо накормить и перевязать, - сказала я и поставила корзинку с лекарствами на пол. – Мери-Бет, поставьте, пожалуйста, поднос на стол.

- Миледи! – зашептала служанка из коридора, отчаянно мотая головой.

Глаза у бедняги Мери-Бет были величиной с кофейные блюдца. Она явно не хотела заходить в спальную моего мужа.

- Давай сюда, - я взяла у неё поднос и занесла в комнату сама.

Дверь позади тяжело стукнула, закрываясь, послышался и затих легкий перестук каблучков, и мы с мужем остались наедине. Вернее, я осталась наедине с мужем Алиноры. И этот муж, между прочим, был почти раздет.

Глава 6. Обжигающие волны и ледяные слова

- Неожиданно, - только и сказал герцог, когда я прошла в комнату, поставив поднос на стол, а потом вернулась за корзинкой.

- Неожиданно, что я решила помочь вам? – спросила я, чтобы хоть что-то сказать. – По-моему, это вполне нормально. А вот то, что вы молчали о ране – это глупо. Повернитесь спиной.

Левенштаиль громко хмыкнул, показывая, как он относится к моим словам, но повернулся. Я осмотрела порез и неуверенно взялась за корзину.

Это я поступило глупо – надо было спросить у экономки, что тут за бутылки и коробочки. Я же ничего не знаю о лекарствах этого мира. Вряд ли кто-то услужливо подбросит мне перекись водорода или зелёнку.

- С синей пробкой, - насмешливо подсказал герцог, покосившись на меня через плечо. – Так и знал, что помощница из тебя – никудышная.

Я не стала с ним спорить, а послушно взяла бутылочку, заткнутую синей пробкой. Пробка сидела плотно, и мне никак не удавалось её вытащить. Ксандру надоело наблюдать за моими жалкими попытками, и он забрал у меня бутылочку,

и в две секунды вытащил пробку.

- Держи, - буркнул он, возвращая её.

Пальцы наши соприкоснулись, и я невольно вздрогнула, потому что мне показалось, будто горячая волна пробежала по всему телу от этого прикосновения. Я ощутила её почти физически, и это было странно, необычно, но приятно – будто что-то горячее, одновременно колющее и мягкое скользнуло по коже. И это прикосновение отозвалось в сердце – страхом, волнением и... дрожанием. Может, так и чувствуют боль? Но от боли кричат и стараются её прекратить, а мне совсем не хотелось кричать. И прекращать это тоже не хотелось... Но мы с герцогом всего лишь соприкоснулись руками... на одно мгновение, если не меньше...

- Всё-таки врёшь, - сказал Левенштайль с неожиданной злостью. – Врунья из тебя отличная, только актриса – так себе.

Я промолчала в ответ на эту вспышку, потому что тоже считала Алинору вруней. Насчет актрисы – не знаю. Мужу должно быть виднее.

В бутылочке находилась какая-то терпко пахнущая жидкость. Наверное, что-то вроде нашего вина? Только царапина уже запеклась, нет смысла её дезинфицировать...

- Что застыла? – грубовато окликнул меня герцог. – Помогай, раз пришла, и уходи поскорее.

Я смочила жидкостью из бутылочки кусочек бинта и осторожно приложила к ране, промокая её по всей длине легки-

ми касаниями.

- Да мажь ты сильнее, - не выдержал Левенштайль, - я же не неженка, вроде тебя!

Неженка... Он даже не понимал, насколько ошибается. Я улыбнулась за его спиной, но совсем забыла, что мы стоим у зеркала, и вспомнила об этом, только когда герцог процедил сквозь зубы:

- Смеёшься?

Он развернулся ко мне так резко, что я вскрикнула от неожиданности и уронила бутылочку на пол. Раздался звон, и стекло разлетелось на мелкие кусочки. Но Ксандр Левенштайль не обратил на это внимания. Потемнев лицом, он нагнулся ко мне, играя желваками, и я отступила, испуганно выставив перед собой ладони.

- Я не смеялась, милорд, - сказала я дрожащим голосом. – Просто улыбнулась. Успокойтесь, пожалуйста... Дайте мне обработать вашу рану...

- А больше ты ничего не хочешь мне обработать? – он сделал ещё шаг вперёд, нависнув надо мной, как черная скала, грозно горя глазами. – Ты же так любишь мои деньги, что готова была потерпеть?

Мои ладони упёрлись в его голую грудь, и я снова ощутила мягкую и покалывающую волну, пробежавшую по моему телу. Горячую волну, почти обжигающую.

- Или тебе доставляет удовольствие мучить меня? – спросил герцог уже тише.

- Вы ошибаетесь, милорд, - сказала я так же тихо, потому что громко говорить совсем не хотелось.

Хотелось закрыть глаза и... и позволить накатившей волне накрыть меня с головой.

- Ошибаюсь? – переспросил он, наклонившись, так что наши губы почти соприкоснулись.

Я почувствовала его дыхание – горячее, быстрое. От герцога пахло и сладко, и горько одновременно – будто сладкая полынь... или горький мёд... Как было бы забавно, если бы я сейчас приподнялась на цыпочки – тогда наши губы бы соприкоснулись. И я бы смогла попробовать на вкус эту сладкую горечь... или горькую сладость...

Конечно, глаза я не закрыла и на цыпочки не привстала. Сделала шаг назад, устанавливая расстояние между мною и мужем Алииноры. Только что мои ладони касались широкой груди герцога, и было жарко и страшно, а спустя секунду я спрятала руки за спину, и стало страшно и... холодно. Герцог переступил с ноги на ногу, будто хотел двинуться следом за мной, но стекло от разбитого бутылка захрупало, и Левенштайль резко остановился, тоже заложив руки за спину.

- Надо позвать кого-нибудь из слуг, чтобы подмели, - сказала я.

- Да уж, помощи от тебя... - хмыкнул он, а потом хмуро добавил: - Не зови никого. Завтра уберут. А теперь – уходи.

- Что? – переспросила я, потому что переход от почти поцелуя к грубости был очень неожиданным.

Возле порога что-то чуть слышно стукнуло, и мы с Левенштайлем одновременно оглянулись. Но это всего лишь дверь приоткрылась и закрылась от сквозняка.

- Уходи, - повторил Левенштайль чётко и отдельно. – Если непонятно, объясню: убирайся, пропади, сгинь, провальись.

- Зачем вы так? – сказала я, отступая к двери. – Я ведь не сделала ничего плохого...

Зря я это сказала. Я ведь ничего не знала о семейной жизни Алиноры и её мужа. И понятия не имела, чем они друг другу досадили. Были только намёки и недомолвки со стороны старшего Левенштайля, и рассказы младшего – но разве есть истина в рассказах стороннего человека?

- Пошла – вон, - произнёс герцог тем же тоном, и я рванула из комнаты ещё быстрее, чем служанка Мери-Бет.

Только в коридоре я остановилась, продышавшись и стараясь понять, что это было. Вот так злиться на жену из-за того, что она обманула перед свадьбой? Что не чувствует боли, а сама её чувствовала?.. Развелись бы – и дело с концом. И искали бы себе подходящих. Она – богатого и знатного, а он – ту, которая не чувствует боли...

- Невестка? – раздался голос Даманта, и я встрепенулась.

По лестнице поднимался младший Левенштайль вместе с незнакомым мне человечком – полным, лысым, с короткими кривыми ножками. Человечек тащил чемодан, который казался огромным по сравнению с ним, и поправлял круглые

очки на маленьком вздёрнутом носу.

- Миледи, - важно приветствовал меня человечек.

- Я привёз доктора Бюркеля, - торопливо произнёс Диамант, и я поняла, что он подсказывает мне, что я должна знать этого человека.

- Добрый вечер, господин Бюркель, - сказала я, без труда повторив трудное незнакомое имя, и удивилась сама себе. Похоже, я и в самом деле становилась тенью Алиноры. – Спасибо, что приехали. Но мой муж, боюсь, не хочет никого видеть.

- Как так – не хочет? – возмутился Диамант, посмотрев на меня с благодарностью. – Сейчас я поговорю с ним.

- Подождите, - доктор поправил очки на носу и присмотрелся ко мне повнимательнее

Этот пристальный взгляд испугал меня ещё сильнее, чем грубость герцога. Почему доктор так смотрит? Заметил подмену?..

- Что с вашей рукой, миледи? – требовательно спросил господин Бюркель.

- С рукой? – переспросила я, и посмотрела на свои руки. – Всё хорошо...

- Покажите, - велел он, и тон у него был ещё более властный, чем у старшего Левенштайля. – Левую. Поверните ладонью вверх. У вас ожог?!

Я и забыла, что Алинора обожгла меня шпилькой. Но если нет боли, о ране быстро забываешь, со мной это было много

раз. Вот и теперь – уродливый шрам смотрелся ужасно, но не слишком меня беспокоил.

- Небеса милосердные, - выдохнул Диамант. – Вы почему не сказали, что поранились, невестка?

- Уже всё прошло... - немного фальшиво сказала я.

- Я и вижу, - язвительно произнёс доктор. – Сперва я должен позаботиться о даме, - сказал он Диаманту. – А вы пока переговорите с милордом. Если он говорит, что мои услуги ему не нужны, то, может, и правда лучше его не беспокоить.

- Конечно, сначала позаботьтесь о миледи Алиноре, - тут же согласился младший Левенштайль. – А я загляну к брату.

- Пройдёмте в гостиную, миледи, - доктор половчее перехватил свой чемоданчик. – Почему вы сразу не позвали меня? Незачем было терпеть такую боль...

Судя по всему, доктор прекрасно знал, где в этом доме гостиная. Он пошел вперёд, а я – за ним, на ходу придумывая, что сказать про ожог и причины его получения. Держась за перила, я оглянулась и увидела, что Диамант стоит в коридоре, хмурясь точно так же, как герцог, и смотрит мне вслед. Наши взгляды встретились, и младший Левенштайль ободряюще улыбнулся, кивнул, а потом пошел к спальней комнате герцога, на ходу ероша волосы.

В гостиной господин Бюркель поставил чемоданчик на стол, прямо на белую скатерть и потребовал воды и полотенце, чтобы вымыть руки. Этим он сразу расположил меня к себе. В моей памяти прочно засело, что в прежние времена

доктора не слишком утруждали себя мытьем рук и соблюдением гигиены.

- Что у вас с рукой, миледи? – спросил господин Бюркель, когда служанка, которая приносила воду и полотенце, ушла.

- Уже всё в порядке, - заверила я его. – Ожог зажил, и совсем не больно.

- Я не спрашивал, больно или нет, - перебил он меня. - Вижу, что рана почти зажила. Я спрашиваю, как вы её получили.

Я замешкалась всего на пару секунд, а потом пожала плечами:

- Моя неосторожность, только и всего. После свадьбы я стала такой рассеянной...

- Вы уверены? – доктор сурово взглянул на меня поверх очков. – Простите, миледи, это не моё дело, конечно... Но я не могу молчать, когда вижу, как истязают людей. Я – врач, знаете ли. И против вредительства в любой форме. Возможно, вы хотите, чтобы я что-то передал вашему отцу? Или... королю?

- О чем вы? – пробормотала я.

- Милорд жестоко с вами обращается? – ещё суровее спросил доктор. – Тогда вы не должны молчать.

- Мой муж? – я была искренне удивлена. – Нет... нет, уверяю вас...

- Вы говорите правду? – маленький доктор пытливо взглянул мне в лицо. – О милорде столько всего говорят...

Он решил, что это Ксандр Левенштайль прижигает меня калёным железом. Было бы забавно, узнай господин Бюркель, что пытал меня не герцог, а его нежная жена. Но разве кто-то в это поверит? Разве кто-то поверит словам тени?

- Нет, - повторила я уже твердо. – Благодарю за беспокойство и бдительность, но не волнуйтесь. Всё в порядке. Мой муж никогда не причинял мне боли.

Мне даже не пришлось врать. Ведь Ксандр Левенштайль и правда не причинял мне боли. Никто не причинял. Даже Алинора, хотя по её милости я и заработала ожог на полладони.

Доктор фыркнул, отворачиваясь к чемоданчику и перебирая скляночки и бутылки, лежавшие внутри.

- Довольно странно слышать это о милорде Левенштайле, - сказал господин Бюркель будто сам себе.

- Но это так, - я постаралась, чтобы мой голос звучал жизнерадостно. – Мой муж, конечно, рядовой человек, но мне не на что жаловаться. Он добр и предупредителен со мной... А скажите, доктор...

- Да? – он обернулся, держа в руке бутылочку из тёмно-зеленого стекла.

- То, что его прикосновения причиняют боль... это – природная физиология или магия?

- Что? – он уставился на меня поверх очков.

Ну вот, зачем я это спросила? Какое мне дело до того, как и почему Ксандр Левенштайль заработал своё проклятие? А

сейчас я явно сморозила какую-то глупость. И хорошо, если не выдала себя.

- Вы разбираетесь в медицине? – спросил доктор. – По моему, все уверены, что виной недугу милорда – проклятие Мистарика. Дайте вашу руку, я сделаю перевязку.

- А вы думаете, дело не в проклятье? – осторожно спросила я, поворачивая ладонь вверх, чтобы доктору удобнее было нанести лекарство.

Он щедро полил мою ладонь снадобьем из бутылочки и перебинтовал мою рану тонкой полотняной лентой.

- Видите ли, - произнёс он задумчиво, и по его тону я догадалась, что он давно размышлял над этим, - я занимаюсь только физиологией. Природной, как вы изволили выразиться. Магия – не моя специальность. Но как врач я должен знать и магические симптомы...

- И у Ксандра... - поторопила я его.

- Недуг милорда, несомненно, имеет магическую основу, - доктор тщательно подбирал слова, одновременно туго завязывая узелок на повязке, - но следствие ли это стороннего проклятия – вот в чём вопрос.

То есть проклятия может и не быть? Или я не так поняла?

- Ваш муж – представитель древнего рода, - продолжал тем временем доктор. - У всех представителей семейства Левенштайлей магия в крови. Но личная магия – такая штука, которая понятна и подвластна только своему хозяину, и только он может управлять ею. Между нами говоря, не та-

ким уж и отменным колдуном был Мортимер Мистарик. Я не знал его лично, но слышал о нём. Он практиковал магию артефактов, а в чёрном колдовстве замечен никогда не был. Странно, что его проклятие оказалось таким сильным, что с ним не справились лучшие маги королевства.

- А они пытались с ним справиться?

- Смеётесь, миледи? – укоризненно сказал доктор, поправляя очки. – Когда всё произошло, над милордом Ксандером колдовал целый полк королевских магов. Шуточное ли дело – проклят наследник великого рода, родственник короля...

- Но ничего не получилось, - сказала я задумчиво, размышляя о судьбе моего мужа.

- Как видите, - пожал плечами доктор. – Но говорят, что у вас магический иммунитет к проклятию Левенштайлей?

- Д-да, - с запинкой ответила я. – Спасибо за перевязку, господин Бюркель.

- Не за что, миледи, - он коротко поклонился мне и поставил бутылочку из зелёного стекла на стол. – Оставляю вам настойку. Обработывайте рану, чтобы не осталось шрама. А я, с вашего позволения, навещу милорда. Если он захочет меня видеть, - доктор скупой улыбнулся, подхватил чемоданчик и покинул гостиную.

Я села на диван, обдумывая всё то, что услышала.

Личная магия? Может ли быть так, что Ксандр Левенштайль по собственному желанию причиняет всем боль? А

вдруг у него это получается ненамеренно? Ведь похоже, что он сам не рад такому дару... Или проклятью?..

Мне показалось, что свечи как-то странно мигнули – будто перед ними взмахнули прозрачной тканью. Вроде бы и свет не пропал, но какое-то движение ощущается. Я подняла голову, глядя на причудливые потёки воска, и услышала звон.

Это упал со стола зелёный флакончик, разбившись на мелкие осколки.

Глава 7. Вокруг один обман

Ксандр надел рубашку и застыл, забыв застегнуть. Кожа на груди всё ещё горела от прикосновения жены. Она так испугалась его, что даже не почувствовала боли, когда уперлась ему в грудь ладонями.

А он почувствовал.

И боль была вполне объяснимая. И не там, где жена до него дотронулась.

Дверь приоткрылась, и Ксандр, поспешно запахнув рубашку на груди, уже приготовился с раздражением отправить надоедливую жену вон, но вошла не Алинора. Вошел Диамант.

- Ты что это прикрываешься, как стыдливая девица? – спросил он, хмыкнув.

Не ответив, Ксандр застегнул рубашку до самого верха, глядя на себя в зеркало.

- Думал, зайдёт Алинора? – невинно осведомился брат, проходя в комнату и усаживаясь на подлокотник кресла. – Это от неё ты так старательно прячешься? Вы же муж и жена, вообще-то. И вроде даже спали вместе.

- Вроде, это тебя не касается, Малыш, - спокойно ответил Ксандр, хотя в душе ни о каком спокойствии и речи не шло.

Внутри всё клокотало, горело и требовало совершить какое-нибудь безумство. Например, ворваться к Алиноре, за-

валить её на постель и...

- Там пришел доктор, - Диамант очень некстати прервал разыгравшееся воображение брата. – Сейчас он осматривает твою жену, а потом...

- Осматривает? – Ксандр как раз заправлял рубашку в штаны, но на полпути позабыл, что собирался сделать. – Она заболела?

- Ожог на ладони, - коротко пояснил Диамант. – Твоя работа?

- Нет, - старший Левенштайль мотнул головой. – Я к ней даже не прикасался, если ты заметил.

- Заметил, - подтвердил Диамант. – Даже заметил, как ты поцеловал её в щёку сегодня за ужином.

Ксандр невольно прижал руку к груди – к тому самому месту, которого касались ладони Алиноры.

- Она даже не завизжала, - процедил он сквозь зубы.

- Она, вообще, очень изменилась, - брат закинул ногу на ногу, поглядывая на Ксандра искоса, но очень внимательно. – Говорит, что потеряла память.

- Мне тоже говорила, - каждое слово о жене давалось Ксандру с трудом, будто язык становился чугунным.

Но в то же время ему очень хотелось обсудить с братом некоторые странности, свидетелем которых он в последнее время стал.

- По-моему, она говорит правду, - задумчиво сказал Диамант, покачивая башмаком. – Я разговаривал с ней. Моё

мнение – она не притворяется. Она теперь... - он замолчал, подбирая слова, - совсем другая.

- Угу, - буркнул Ксандр, но слушал жадно, будто брат открывал ему вселенскую истину.

- Многого она не помнит, - продолжал Диамант, - но вместе с тем у неё более глубокие суждения, она мягче, нежнее, взрослее... чем прежде...

- Я просил её быть такой, чтобы его величество остался доволен, - угрюмо ответил Ксандр. – Так что не надейся, чуда не произошло.

- А вдруг произошло? – Диамант вскочил и подошел к брату, теперь прямо глядя ему в лицо. – Говорю тебе, она совсем другая. Присмотрись, не рычи на неё. И она... правда не отшатнулась, когда ты её поцеловал. А что ты себя всё по груди трёшь? Это у тебя рана болит?

- Нет, - отрезал старший Левенштайль и убрал руки за спину. – Она притворяется.

- Ну-ну, - Диамант пожал плечами. – Позову доктора. И не смей кричать на него. Я выдернул его чуть ли не из постели, а снаружи, к твоему сведению, идёт дождь. Косой и промозглый. Уважай старания человека, который поспешил к тебе на помощь в непогоду.

- Ты так говоришь, будто у меня нет ни совести, ни чести, ни ума, - ответил Ксандр глухо.

- Ты всегда понимаешь меня неправильно, - вздохнул Диамант. – Постарайся быть помягче с Алиной. Она искренне

желает тебе добра, - он хотел похлопать брата по плечу, но вовремя остановился. – Позову Бюркеля. Заодно узнаю, что там с бедняжкой Алиной. Ума не приложу, как она умудрилась так обжечь руку...

- Бедняжка, - процедил Ксандр сквозь зубы.

- Ты какой-то взвинченный в последнее время, - Диамант нахмурился, разглядывая брата. – Ну не задалась первая брачная ночь, но всё ведь можно исправить. Притрётесь друг к другу, привыкните... Не мне тебя учить, братец, я сам ещё не познал счастья семейной жизни... Но как по мне, надо уметь закрывать глаза на мелкие недостатки супруги.

- А на её любовника тоже закрыть глаза? – спросил Ксандр ледяным тоном.

Диамант позабыл, что отправился за доктором.

- Любовник? – переспросил он недоверчиво. – У Алины? Да вы двух месяцев в браке не состоите, какие любовники? Ты у нас такой подозрительный, Ксандр. Уверен, что тебе просто показалось.

- Показалось? – герцог широким шагом подошёл к стене, ткнул кулаком пятой снизу камень, открывая тайник, и достал оттуда смятый лист бумаги. – Вот доказательства.

Он брезгливо положил листок на стол, а сам отошел подальше. Будто обыкновенный лист бумаги был заражен чумой.

Диамант тоже смотрел на него с подозрением и взял лист нерешительно, двумя пальцами за уголок.

- «Дорогой мой, любимый, золотой и бриллиантовый, - прочитал Диамант вполголоса. – Обещала не писать, но не могу. Клянусь, не могу».

- Вслух можешь и не читать, - не вытерпел Ксандр. – Я и так знаю, о чем там.

Но брат всё же дочитал:

- «Жизнь здесь подобна жизни в проклятом замке со страшным чудовищем. Только чудовище – настоящее, а не заколдованный принц. Мечтаю о том дне, когда мы встретимся, и ты заключишь меня в объятия, и мы не расстанемся больше...».

Письмо обрывались жирной кляксой. Видимо, автора письма что-то отвлекло или напугало.

- Что это? – растерянно просил Диамант.

- А ты не узнал почерк?

- Похож на почерк невестки...

Ксандр хмыкнул и промолчал.

- Как оно к тебе попало, это письмо? – спросил Диамант, осторожно укладывая листок обратно на стол.

- Захватил трофей прямо на поле боя, - с отвращением сказал Ксандр.

- То есть?

- Зашел к ней в комнату, смотрю – строчит что-то. Чуть в обморок не упала, пыталась порвать письмо, но я отобрал.

- Не могу похвалить тебя за это, но поступил бы точно так же, - сказал Диамант, скрестив на груди руки и задумчиво

глядя на письмо. – Она призналась, кому писала?

- Даже не спрашивал. Отправил её вон, сначала хотел развестись. Письмо пришлось бы очень кстати. Но тут Георг решил нас мирить. Миротворец...

- Король заинтересован, чтобы род Левенштайлей не пресекался, - возразил Диамант. – К тому же, ты был так влюблен в Алинору... Со стороны это больше походило на одержимость. Помню, ты называл её идеальной.

- Тебе доставляет удовольствие вспоминать о моей глупости? – грубо спросил Ксандр.

- Посмотрим на это с другой стороны, - Диамант предпочел не заметить вспышки брата. – Мы не знаем, кому писала Алинора. Возможно, отцу? – предположил он неуверенно. – Или брату.

- Или своему исповеднику, - хмыкнул Ксандр. – Можешь придумывать сколько угодно оправданий этой ведьме...

- Она изменилась, Ксандр, - мягко перебил его брат. – Жаль, что ты этого не видишь. Но я бы тоже в пор не замечал хорошего после этого письма... Вот что, - он решительно разрубил воздух ребром ладони. – Будем решать проблемы по мере их поступления. Сейчас тебя осмотрит доктор, завтра мы принимаем короля. А потом будем думать об остальном.

- Больше ничего и не остается, - проворчал Ксандр.

Глава 8. Куда спрятаться от обмана?

Если я надеялась на спокойную ночь, то сильно ошиблась. Несмотря на поздний час в замке Левенштайлей чистили, мыли, готовили, убирали, украшали гирляндами и венками из веток двери и гостиную, выколачивали перины, проветривали гостевые комнаты.

Разумеется, я не делала ничего. Просто лежала в своей постели без сна, слушая, как бегают по коридору слуги, как переговариваются под окнами.

Всем заправляла экономка, и её голос был слышен даже с первого этажа, где располагалась кухня.

Госпожа Линда раздавала приказы спокойно, без суеты, и мне оставалось лишь позавидовать её организаторским способностям. Зачем герцог женился, если у него такая усердная служанка? Мог бы найти любовницу и жить в своё удовольствие. Без Алиноры. И без меня.

Я перевернулась на бок и крепко зажмурилась. Если бы всё произошло именно так, я бы сейчас сидела в своей мастерской, писала бы очередной портрет той-терьерчика в мундире, плакала бы от обиды на Юрку, ела вкуснейшие сырные конфеты из магазинчика на углу, слушала бы такие примитивные, но залипательные песенки Жени Галибри

и Саши Мавика, наблюдалась у врача, жила бы привычной жизнью... И никогда не встретила бы Ксандра Левенштайля, чьё прикосновение причиняет огненную боль. Или огненную страсть.

Фу! Я зарылась лицом в подушку и крикнула в неё, выпуская эмоции. Подушка заглушила крик, но мне легче не стало.

Можно сколько угодно злиться на Алинору, втянувшую меня в свой мир и в свою жизнь, делать вид, что боишься герцога Левенштайля, но врать себе самой не получалось. Я снова и снова вспоминала тот момент, когда оказалась с мужем Алиноры наедине. Как он смотрел на меня... Вернее, на свою жену. Ведь он думал, что перед ним – его законная жена. Обманщица, динамщица и просто ведьма. Но взгляд выдавал. Он любил её. Невозможно смотреть *так*на человека, который внушает только ненависть, или к которому равнодушен...

Вспоминая, как я прикоснулась к его голой груди, я опять прокричалась в подушку. Никакой боли он не причиняет, этот мужчина! Или я – единственная, кто не чувствует боли. А раз не чувствую... То вполне могла бы его поцеловать. И не только поцеловать, между прочим. Мерзавка Алинора на то и рассчитывала.

Но что будет потом? Рано или поздно Ксандр узнает об обмане, и в его копилочку добавится не только врунья-жена, но и врунья-любовница. Сомневаюсь, что ему это понравит-

ся. А если узнает про мою болезнь?.. Как Юрка?..

Да и мне не понравится.

Стать тенью герцогини... Не хочу я быть ничьей тенью!

Тут можно было покричать в третий раз, но я ощутила внезапную усталость. И ещё – горечь. Потому что жизнь снова вычеркивала меня. Отодвигала, как ненужную посуду. Что мне остается? Только сыграть роль Алиноры и надеяться, что ведьма не обманет и вернёт меня домой. К моим картинам.

Картины...

Я поняла, что всё равно не усну. Снова оделась, кое-как закрепила шпильками волосы и отправилась искать экономку. Может, удастся найти какое-нибудь дело, чтобы время прошло быстрее. Изюм перебирать или стирать пыль с мебели – я ведь вполне это могу.

Проходя мимо лестницы, ведущей в комнату, где я расположилась со своими красками и холстами, я вдруг увидела на стене дрожащие пятна света – кто-то ходил по верхнему этажу, подсвечивая себе светильником.

Но я же просила слуг не наводить порядок в моей мастерской!

Подобрав юбку, чтобы не наступить на подол, я поднялась по ступеням и убедилась, что дверь в мастерскую и правда была открыта. И кто-то там был.

Я же просила...

Распахнув двери, сначала я никого не увидела и только

потом заметила, что у стены на корточках сидит незнакомый мужчина. Держа в одной руке кованый светильник в стеклянной колбе, другой он повернул к себе набросок портрета Ксандра Левенштайля.

Мужчина был так увлечён, разглядывая картину, что не услышал, как я вошла. Он был худощавый, с длинным носом и острыми скулами. От светильника его волосы казались рыжими, как огонь. Одет мужчины был в белую рубашку с тонкими кружевами на вороте и манжетах, и в простую куртку, какую в доме Левенштайлей носили только дворовые слуги.

- Кто вы и что здесь делаете? – спросила я строго, решив, что вряд ли мужчина был вором.

Вор не стал бы забираться в полупустую комнату и перебирать незаконченные картины.

Мужчина вздрогнул от звука моего голоса и чуть не уронил светильник. Тот опасно качнулся, и масло зашипело. На всякий случай я отступила к порогу. Если придётся звать на помощь...

- Уф, вы меня напугали, нежная дама! – рыжий мужчина даже схватился за сердце, показывая, как испуган.

Так как в одной руке он держал светильник, а в другой – картину, жест не слишком удался. Подумав, мужчина поставил на пол светильник и прижал ладонь к сердцу, закатывая глаза. Картину он сунул, между прочим, под мышку. И это не понравилось мне так же, как и нелепая шутка.

- Будьте добры вернуть портрет моего мужа на место, -

сказала я ещё строже. – Он ещё не дописан, и масло не высохло.

- Так вы – жена Кс... милорда Левенштайля? – живо спросил мужчина и схватил картину уже обеими руками и продолжая рассматривать портрет. – Это чудесно, миледи, что я, наконец, с вами познакомился, но меня, признаться, больше интересует имя художника.

От меня не укрылось, как он чуть не назвал герцога по имени, и это понравилось мне ещё меньше, чем глупые шутки.

- Мы с вами не знакомились, - напомнила я. – Вы не называли своего имени, хотя я уже спрашивала, кто вы.

- А вы не называли мне имя художника! - пылко произнёс мужчина. – Кто этот волшебник? Получилось очень красиво и похоже!

Даже если бы он был вором, я простила его в тот же миг. Нет ничего слаще для самолюбия художника, чем когда хвалят его работы.

- Вообще-то, это – набросок, - пояснила я небрежно, стараясь не показать, как обрадовала меня эта случайная похвала не понять от кого. – Я написала его, пока муж согласился позировать.

- Ксандр согласился позировать? – изумился рыжий мужчина и только потом посмотрел на меня внимательнее, чем на портрет. – И я не ослышался? Эту красоту сотворили вы?

- Что в этом странного? – ответила я ему. – Вы из тех, кто

уверен, что женщины ни на что ни способны?

- Он из тех, кто вечно суют нос не в своё дело, - раздался за моей спиной голос того, кто был изображён на портрете. – Что вы оба здесь делаете? – Ксандр Левенштайль появился бесшумно, как хорошее привидение, и с обычным выражением лица – угрюмо-замкнутым и подозрительным.

Как будто решал – надо ли уже надавать всем по шее или можно немного обождать.

Но его появление испугало только меня, потому что рыжий мужчина только усмехнулся и любовно поставил портрет на прежнее место, прислонив к стене.

- Ну вот, пришел и всё испортил, - вздохнул незнакомец. – А мы так хорошо беседовали с твоей женой.

- Вообще-то, вас все потеряли, - заметил Ксандр, не глядя на меня. – Лучше бы спуститься.

- Думаешь, лучше? – засомневался рыжий мужчина.

- Зачем зря волновать людей? – ответил Ксандр вопросом на вопрос.

Я слушала их и не могла понять, что происходит. Кто этот человек, который говорит герцогу «ты»? Судя по всему, они и правда знакомы, но почему так странно общаются?

- Хорошо, не будем волновать людей, - со вздохом согласился незнакомец. – Тогда спущусь с чёрного хода и зайду с парадного, чтобы соблюсти приличия.

- Отличная мысль, - поддержал герцог.

- Тогда я пошёл, - мужчина пожал плечами, улыбаясь

немного виновато. – Позвольте вашу руку, герцогиня, - он склонился в полупоклоне, а я не сразу вспомнила, что полагается подать руку для поцелуя.

Мне показалось, что Ксандр Левенштайль чуть поморщился, когда незнакомец припал к моей руке в пылком поцелуе.

- Дивная встреча, - промурлыкал странный гость, - и надеюсь, вечер будет не менее дивным. Ну и ночь, конечно же.

Он нехотя отпустил мою руку, смешливо прищурился, когда взглянул на герцога, а потом исчез в темноте коридора. И сделал это так же тихо, как Ксандр вошёл.

Некоторое время мы с герцогом молчали, а потом он сказал, сначала кашлянув в кулак:

- И что ты здесь забыла посреди ночи, осмелюсь спросить?

- Не забыла... - начала я объяснять, но он меня перебил.

- Мы же договорились, Алинора, - произнёс герцог ледяным тоном. – Ты – примерная и послушная жена.

- Договорились, - растерянно сказала я, не понимая, в чем провинилась.

- Но почему-то я прихожу и застаю тебя не в постели, - судя по тону, герцог начал злиться, - а мило беседующей на чердаке с королём! Как вы с ним встретились, объясни, пожалуйста?

- С королём? – переспросила я почти испуганно.

- Вот именно, - генерал поджал губы. – Хочу услышать, почему моя жена проводит ночь с другим мужчиной, а не в

нашей постели.

- Просто проходила мимо, увидела, что кто-то в моей мастерской... - я замолчала, потому что только сейчас до меня дошёл смысл слов Левенштайля, и спросила подозрительно: – Что значит – в нашей постели?

- Это значит – в нашей постели, - раздельно повторил он. – Я же говорил тебе, что пока его величество гостит у нас, мы спим в одной комнате. И в одной кровати.

- Вы считаете, это необходимо? – ухитрилась выговорить я, в то время, как пол поплыл под ногами.

Одна только мысль, что я лягу в постель с этим мужчиной, могла свести с ума. Пусть даже подразумевалось, что мы будем реально спать в одной постели, а не... Стоп. А точно – не?..

Я подозрительно посмотрела на Левенштайля, и он тут же пошёл в наступление:

- Испугалась? Не волнуйся, мне это нравится ещё меньше, чем тебе. Но придётся потерпеть, - последние слова он произнёс сквозь зубы, окинув меня с головы до ног таким взглядом, что мне стало жарко. – Пойду, прослежу, чтобы его величество не завернул ещё куда-нибудь, - сказал герцог после недолгого молчания. – А тебе советую вернуться в свою комнату и провести остаток ночи без приключений.

Он прошёл мимо меня, но тут я его окликнула.

- Милорд, - несмело позвала я. – Можно спросить...

- Что? – он обернулся, не скрывая раздражения.

- Вы ведь знаете, что у меня с некоторых пор не всё в порядке с памятью... - начала я издали.

Ксандр хмыкнул, показывая, как этому верит.

- ...и мне хотелось бы узнать... - я сделала глубокий вдох и договорила: - Ведь я раньше не встречалась с королём?

Судя по изумлению, промелькнувшему в темных глазах герцога, он ожидал чего угодно, но не подобного вопроса. Я заметила, как уголки рта мужа Алиноры как-то странно дёрнулись – словно в подобие улыбки... Что смешного я могла сказать?..

- Нет, - отрывисто сказал генерал и по обыкновению нахмурился, поджимая губы. Теперь вместо улыбки в абрисе его губ было что-то холодное, даже жестокое. – При дворе ты представлена не была, и король не присутствовал на нашей свадьбе. Официальная причина – он посещал монастырь на границе.

- А не официальная? – машинально спросила я, наблюдая, как завороженная, за его ртом.

- А тебе какое дело? – отрезал Левенштайль, круто повернулся и исчез в темноте коридора.

Я услышала быстрые шаги на лестнице, и подняла с пола забытую королём лампу.

И в самом деле, что король делал здесь? Почему пришёл сюда тайком, один, без свиты?..

Закрывая двери мастерской, я так задумалась, что налетела на Диаманта, который стоял возле лестницы, поджидая

меня.

- Ксандр велел проводить вас, невестка, - сказал он, протягивая руку, чтобы помочь мне спуститься по ступеням. – Почему вы до сих пор не спите? Завтра приезжает король, вам надо отдохнуть. Ведь вы – хозяйка, завтра будет такая суматоха...

- Он уже приехал, - сказала я. – И никакой суматохи, как видите, не наблюдается.

- Приехал?! – Диамант так и подпрыгнул. – Когда? Вы его видели?

- Только что, - заверила я его. – Худощавый рыжеватый мужчина. Тонкие усы, бледное лицо, немного болезненный вид.

- Да, это его величество король Георг, - признал Диамант. – Но где же он?

- Ушел с вашим братцем.

- С Ксандром? – переспросил Диамант, будто у него было ещё человек десять братьев. – Вы не ошиблись? Он ничего мне не сказал.

- Наверное, опять не в духе, - пожала я плечами. – Я ведь не видела короля?.. До этого дня?..

- Нет, не видели, - подтвердил Диамант.

- Тогда хорошо. Не хотелось бы наговорить глупостей главе государства. Сначала я приняла его за вора...

- За вора?! – изумился младший Левенштайль, а потом расхохотался. – Да что вы! Но почему он был тут один?..

- Собиралась позвать на помощь, - продолжала я, уходя от щекотливой темы – почему король болтался без свиты ночью по чужому дому, - но тут появился Ксандр и быстро разрулил ситуацию.

- Он это умеет, - сказал Диамант. – Кстати, невестка...

Мы уже остановились у дверей моей спальни, и я собиралась войти, но младший Левенштайл меня задержал, осторожно взяв за руку.

- Что такое? – я посмотрела на него с беспокойством, потому что вид у него был торжественно-печальный.

- Зачем вы так жестоки с моим братом? – мягко спросил Диамант. – Он показал мне письмо, которое вы писали... э-э... какому-то близкому человеку. Ксандр очень переживает по этому поводу.

- Простите, не поняла, - растерялась я и быстро добавила: – Какое письмо? Я ничего не помню.

- Брат уверен, что у вас есть любовник, - сказал младший Левенштайл, оставив любезности и намёки. – Алинора, зачем вы так? Ведь он искренне и очень сильно полюбил вас. Как вы могли причинить ему такую боль?

Не сказать, чтобы слова Диаманта сильно меня удивили. Но я почувствовала себя оскорбленной и обманутой. Мало того, что Алинора выкрала меня из моего мира, мало того, что пыталась, угрожала, подставила – сунув чуть ли не в постель своему мужу, а теперь ещё выясняется, что я вынуждена играть роль обманщицы. Они же с Левенштайлом вот-вот

поженились! И уже завела себе любовника? Зачем выходила замуж, если нужен был любовник?

Но всё это меня не касалось. Вернее, касалось только в той части, чтобы соответствовать легенде. Поэтому я скромно потупилась и тихо сказала:

- Мне жаль, я ничего не помню... Но я уверена, что у меня не было любовника. И сейчас тоже нет.

Диамант помолчал, а потом вздохнул:

- Мне хочется верить вам, Алинора. Надеюсь, вся эта история с письмом – какое-то недоразумение. Идите отдыхать. А я пойду, найду брата и его величество. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, - машинально ответила я и зашла в спальню.

Значит, вот в чём настоящая размолвка между мужем и женой. Она – неверна, он узнал. Классика семейной жизни. Со стороны Алиноры было глупостью писать письма любовнику, а со стороны генерала – не меньшей глупостью было рассказывать обо всём брату. Надо было не сплетничать в узком мужском кругу, а поговорить с женой.

А если он уже поговорил?..

Я застыла посреди комнаты, припоминая, что говорила Алинора о своём муже. Речь шла только о том, чтобы заменить её в постели Ксандра Левенштайля из-за того, что к нему больно прикасаться. А если главной причиной была именно размолвка из-за любовника? Допустим, Алинора сбежала к нему, подсунув меня на своё место?.. И сейчас она

развлекается где-то там, а я вынуждена врать, изворачиваться и прикидываться беспамятной дурочкой.

Все эти мысли позитива не добавляли, и я, заперев дверь изнутри (на тот случай, если герцогу вздумается заявиться ко мне в комнату проверять или ночевать), снова разделась, повздыхала у окна, а потом легла в постель, свернувшись клубочком на холодных простынях.

Свечу я гасить не стала, и смотрела на оранжевый дрожащий огонёк, пока не уснула, хотя была уверена, что не смогу спать этой ночью.

Мне снилась суматошная и бесконечная гонка по туманному осеннему лесу, где я то ли убегала от кого-то, то ли догоняла... Наверное, всё-таки, убегала, потому что слышала лязганье металла и поскрипывание, и очень пугалась этих звуков.

В какой-то момент я поняла, что не сплю, но продолжаю слышать тихое поскрипывание. Я открыла глаза, и моё сердце замерло, а потом помчалось бешеными скачками.

В комнате стоял Ксандр Левенштайль. Он уже снял камзол, бросил его в кресло, а теперь снимал рубашку, задумчиво глядя на горевшую свечку и медленно расстёгивая пуговицу за пуговицей.

- Что вы здесь делаете? – спросила я хриплым ото сна голосом.

Левенштайль повернул голову, посмотрел на меня, и сбросил рубашку, отправив её в кресло, к камзолу за компа-

нию.

- Что делаю? А ты не видишь? – герцог прошёл к умывальному столу и преспокойно налил воды в серебряный таз. – Хочу хоть немного поспать.

Точно, он же предупреждал, что спать мы будем вместе, пока гостит король. Я машинально взглянула на окно, до половины прикрытое шторой. За стеклом было темно. Значит, я проспала совсем мало. И до утра, между прочим, ещё - о-го-го сколько времени. И если муж Алиноры решил улечься ко мне в постель, то даже несколько часов превратятся в пытку... И вовсе не потому что причиняет боль, якобы, прикосновениями...

Левенштайл прошёлся от умывального стола к бельевому шкафу, вытаскивая простыню. Паркетные плитки скрипнули, и я догадалась, что именно этот скрип слышала во сне. Пока я следила взглядом за герцогом, заметила вырванную дверную петлю и разогнутый металлический крючок. Вот вам и лязг, лже-герцогиня.

- Мне кажется, я заперла двери, - сказала я, когда Левенштайл прошёл обратно к столу и принялся умываться.

Вернее – плескал воду горстями себе в лицо, на плечи и грудь, отчего на полу можно было плавать.

- Тебе не кажется, - ответил он, отфыркиваясь. – Заперла.

- Но вы сломали крючок, милорд.

- Предлагаешь мне спать под порогом в моём собственном доме? – он выпрямился и повернулся ко мне.

Я с трудом подавила желание сделать пальцами «рамочку», чтобы найти самый выгодный ракурс для этого великолепного тела. Я уже видела герцога полуголым, но сейчас, когда по его торсу стекали капли воды – просто дух захватывало от такой дикой красоты. Природа основательно потрудилась, чтобы сделать Ксандра Левенштайля. Глазом художника я оценила совершенство линий его тела, но разве можно было оставаться художником в одной комнате с почти обнаженным мужчиной с красотой античной статуи? Тем более, эта статуя была жива и очень горяча, если судить по сломанному дверному крюку...

- Что смотришь? – прервал мои совсем не профессиональные мысли герцог. – Или я тебе вдруг по-настоящему понравился?

- Точно нет, - солгала я и быстренько улеглась на самом краю постели, повернувшись спиной к Левенштайлю, и натянув одеяло до ушей.

Но можно было отвернуться, можно было зажмурить глаза, даже уши заткнуть можно было при желании. Но как перестать думать, что сейчас со мной в одной постели окажется самый красивый мужчина на свете?

Снова раздалось поскрипывание пола, потом перина спружинила под весом мужчины, а потом стало темно – это Левенштайль загасил свечу.

Теперь в комнате повисло тягостное молчание. Я боялась дышать, потому что мне казалось, что звук дыхания будет

слишком громким. Судя по тишине на другой стороне кровати, герцог тоже будто затаился.

Прошло несколько мучительно длинных минут, прежде чем Ксандр Левенштайль заговорил:

- Ты понравилась королю. Он в восторге от твоей мазни. Ты нарочно постаралась, чтобы произвести на него впечатление?

- Постаралась – в чём? – не поняла я.

- Может, повернёшься ко мне? – в голосе герцога я услышала явное раздражение. – Мне не очень приятно разговаривать с твоей... - он на секунду замялся, а потом закончил: - спиной.

- Я вас прекрасно слышу, - ответила я, продолжая глядеть в стену. – И я не понимаю, в чём...

Тяжёлая рука легла на моё плечо, коснувшись голой кожи, потому что рукав рубашки задрался, потянула, заставив завалиться на спину.

Я вдруг обнаружила, что герцог находится гораздо ближе – совсем рядом, опираясь на локоть и нависая надо мной.

В темноте я не могла разглядеть выражение его лица, но зато прекрасно разглядела, что ночной рубашки на Ксandre Левенштайле не было. Интересно, а подштанники он тоже снял?..

- Ты надо мной издеваешься, да? – глухо, с угрозой произнёс он, наклоняясь всё ближе.

Рука его скользнула по моему плечу, и там, где его паль-

цы касались моей кожи, я отчётливо чувствовала горячую, будто огненную дорожку... Мне стало жарко, но совсем не плохо, а наоборот – как-то слишком хорошо... И я вздрогнула, потому что это было непривычное чувство – когда по коже разливается огонь, который жжёт, но не обжигает, и он проникает в тело, в душу, достаёт до самого сердца...

Что же мне делать, если сейчас герцог меня поцелует? То есть не меня, а Алинору... Он же думает, что я – это она...

Но поцелуя не последовало. Ксандр Левенштайль уже отодвинулся, и огонь, охвативший меня, сразу ослабел – медленно, неохотно...

- Почему вы решили, что издеваюсь? – медленно спросила я, глядя теперь в потолок и боясь пошевелиться, чтобы не привлекать к себе внимания мужа Алиноры. Или чтобы подольше пережить тот огненный шквал, который только что обрушился на меня.

А почему, собственно, я должна бояться?.. Почему я не могу ответить мужчине, который мне нравится, на поцелуй? А может, и не только на поцелуй? Тем более, что его жена настаивала именно на этом. И обещала, что вернёт меня домой, если...

- Потому что надоело твоё враньё на каждом слове. Но в последнее время вижу, что стараешься, - сухо похвалил он меня. – И теперь не визжишь, как поросёнок, когда я к тебе прикасаюсь. Так и веди себя – будто тебе безразличны мои прикосновения.

Я промолчала, потому что не надо было признаваться ему в том, что каждое его прикосновение обжигает меня странным огнём. Потому что это было неправильным. И не потому, что рядом со мной в постели лежал чужой муж... чужой мужчина... такой красивый, такой... притягательный... даже если говорил грубости. Дело было в обмане. Обмане с моей стороны. Если подмена раскроется, что я скажу в своё оправдание? А может, признаться во всём сейчас?

- Милорд... Ксандр... - начала я, потому что темнота придала мне смелости. – Мне хотелось бы кое-что сказать вам...

Я перевела дух, и почувствовала, как затаился мужчина рядом со мной.

- То письмо... - продолжала я, а слова путались на языке, будто я разом разучилась говорить связно, - это всё не так... На самом деле я – я не виновата перед вами. То есть виновата, но не в том, в чём вы меня подозреваете. Вы знали одну Алинору, а я... Нет у меня никакого любовника! - выпалила я в конце концов. – И прекратите злиться! Я – не та...

Договорить мне не удалось, потому что в следующее мгновение меня прижало к перинам. Горячее дыхание на щеке... горячий шёпот... совсем рядом, так что от этого кружится голова...

- Скажи мне, что всё это – неправда, - шептал герцог, и я не могла поверить, что это говорит он - быстро, сбивчиво, отбросив грубость и обычную холодность. – Просто скажи, что всё не так, что ты... что я... что никого нет...

Умом я понимала - всё это говорится не мне, а другой. Той, другой женщине, которая устроила в этой семье чёрти что и улетела в закат, как бабочка. Умом понимала, но глупое сердце застучало, будто это мне страстно нашептывали страстные слова.

- Никого нет... - ответила я тоже шёпотом, - и я – совсем не...

И снова мне не удалось закончить признание. Потому что губы герцога нашли мои губы – нашли уверенно, безошибочно, словно он видел в темноте не хуже кота, и вот уже мы целовались – захлёб, жадно, и не собирались останавливаться.

Несколько безумных минут, когда мне казалось, что кровать под нами покачивается, как корабль на волнах, и было совершенно неважно – куда он нас несёт, губы Ксандра Левенштайля терзали мои губы, а его язык вёл войну с моим языком. И было в этом что-то катастрофически неправильное и в то же время мистически прекрасное.

Всё это я понимала умом, но где-то очень далеко, а здесь... здесь по всему телу протекали огненные волны, и хотелось продолжения, хотелось, чтобы Ксандр не останавливался... А он и не собирался, и уже рванул ворот моей рубашки, пытаясь добраться до моей груди, и впиваясь поцелуем с таким пылом и страстью, что я не могла сдержаться и застонала – от головокружения, от огня, который охватывает тело, от близости этого мужчины – такого красивого, сильного, дикого...

Но тут же всё закончилось – будто кто-то резко провёл рукой по только что написанной маслом картине, перепутав краски и уничтожив изображение.

Ксандр отшатнулся от меня, и я перестала чувствовать его рядом. Сразу стало холодно и пусто, и я потянулась за ним, наугад махнув рукой в темноте, но потом опомнилась и даже прижала руки к груди, стараясь успокоить сердце, которое прыгало и скакало, будто хотело упрыгать следом за герцогом.

Было слышно, как он витиевато и зло выругался, а потом перина колыхнулась, и раздались шаги. От кровати...

- Милорд... Ксандр... - позвала я.

- Как ты надоела со своей ложью, - раздалось в ответ. – А я – последний дурак, что верю! Всегда верю! Снова верю!..

Он не кричал, говорил негромко, почти шёпотом, но каждое слово ударяло меня сильнее крика.

Не поверил про любовника, а я-то как раз и не соврала. Любовник был не у меня, а у Алиеноры. Как забавно и в то же время совсем не смешно – ты говоришь правду, а тебе не верят.

- Милорд, - начала я, пытаюсь хоть что-то объяснить, но герцог не стал слушать.

- Какого чёрта мне жена, которая не терпит, когда я к ней прикасаюсь? – произнёс он с ледяным бешенством. – И какого чёрта я поддерживаю этот обман – не понятно. Надо скорее покончить с этим, Алиенора. Завтра же я попрошу

короля о разводе. Получишь отступные, сколько пожелаешь. И чтобы глаза мои тебя больше не видели, - и он с горечью добавил: - Обман, кругом – один обман. Куда уже от него спрятаться? Переночую у Диаманта. Спокойной ночи.

Я услыша

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.